

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*На исходе
последнего часа*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

На исходе последнего часа

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

На исходе последнего часа / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

В бурную штормовую ночь по неизвестной причине затонул грузопассажирский паром «Рената», совершавший регулярные рейсы из Таллина в Стокгольм. А в 12 тысячах километров к востоку, в Приморье, разбился в тайге вертолет с грузом золота, которое исчезло бесследно. В Сочи при неизвестных обстоятельствах убит начальник уголовного розыска.

Никакой связи между этими трагическими событиями не просматривалось, когда расследование было поручено следователю по особо важным делам Генпрокуратуры России А. Б.Турецкому.

Содержание

Сильный голос	5
Покойник	8
Московские гости	11
Старость	20
Свободный поиск	25
«Ведение»	30
День лесоруба	35
Человек из «немерседеса»	39
Мирные переговоры	43
Ранняя смерть	46
«Рыжуха»	51
Живой труп	54
Учителя	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Фридрих Евсеевич Незнанский

На исходе последнего часа

Сильный голос

Здесь его все равно называли — «русский». Рейн поначалу злился, доказывая, что не имеет к России никакого отношения, что сам он из Таллина, чистокровный эстонец, но шведы, выслушав слишком горячую, на их взгляд, речь молодого врача, вежливо улыбались и продолжали звать Рейна русским.

А Рейн уехал из страны довольно давно, но и тогда уже не было СССР, Эстония стала наконец свободной, поэтому и обидно было.

Впрочем, в остальном обижаться было не на что. Работу он получил довольно быстро, пришлось, правда, только пройти курсы переподготовки и очень сложный экзамен, а потом все пошло как по маслу. Недавно открывшаяся католическая клиника как раз набирала врачей со знанием языков Балтии — слишком много эмигрантов из Эстонии, Латвии и Литвы переселилось в Швецию.

Языка эти люди, к сожалению, почти не знали и объяснить симптомы своей болезни не могли. Шведы нашли самый разумный вариант. Наняли в медперсонал таких же эмигрантов.

Кстати, сегодня Рейна Мяяхе тоже довольно остро интересовали именно проблемы эмиграции.

Дело в том, что он ехал встречать в морской порт свою мать. Она наконец решилась приехать к сыну в Стокгольм. Правда, это случилось не раньше, чем умер отец Рейна, старый Вит Мяяхе. Он бы мать никогда не отпустил да и сам бы не уехал из Эстонии ни на день.

Конечно, по уму, надо было бы Рейну поехать в Таллин за матерью, но, во-первых, он был занят на работе — отпуск ему не давали, — а во-вторых, как раз и решал эмиграционные дела. Мать еще не дала своего согласия остаться с сыном, но Рейн резонно думал, что, если он таки добьется этого, все будет уже готово, останутся только небольшие формальности. А в том, что он сумеет уговорить мать, Рейн не сомневался. Тем более что предварительную агитационную работу уже провела Инга, которую мать Рейна просто обожала.

Да и кто бы мог не обожать Ингу? Уж Рейн-то просто души в ней не чаял. В этом и была основная причина, почему он не поехал за матерью сам. Он знал — у Инги все получится куда лучше. В клинике Ингу посылали к самым строптивым больным, она утешала родственников, успокаивала детишек.

Рейн вздохнул, вспомнив свою жену. Уже сколько лет прошло, а он все не мог остановить собственное сердце, когда просто вспоминал ее имя.

За последние годы они не расставались так надолго. Целая неделя! И вот она кончается, а Рейн едет в пассажирский порт. И там он встретит двух самых дорогих людей — мать и жену!

Если бы Рейн был действительно русским, он вдавил бы педаль газа своей серебристой «вольво» и птицей пролетел бы оставшееся до порта расстояние.

Но Рейн был законопослушным гражданином Шведского королевства, поэтому он спокойно вел машину в среднем ряду, даже особенно не злясь на огромный черный «бьюик», тормозивший перед каждым потенциальным пешеходом.

Рейн эту привычку — пропускать пешеходов всегда и везде, как бы ни торопился, — приобрел не сразу. То есть приобрел-то как раз быстро, но только вследствие весьма пренеприятного события. В Эстонии он машину не водил, но часто ездил на такси. А здесь, влетев со всего хода в зад большому «мерседесу», остановившемуся, как показалось Рейну, ни с того ни с сего, был оштрафован нещадно. «Мерседес» как раз пропускал пешеходов.

«Все-таки я русский, — с улыбкой думал теперь Рейн. — И в плохом, и в хорошем смысле. Пожалуй, шведы так не любят. Да и эстонцы тоже...»

«Бьюик» в очередной раз остановился, хотя никакого пешехода не было. Рейн завертел головой, ища причину остановки, и тут услышал пронзительный вой сирены. Почему-то этот вой неприятно резанул по ушам. Вообще полицейская сирена — сомнительный источник оптимизма. Но как-то быстро успокаиваешься — не по мою душу. В этот раз Рейну отчего-то стало неприятно. И тревожно.

Тревога усилилась, когда мимо уступавших дорогу машин промчались не полицейские машины, а кареты «скорой помощи». Они шли к порту.

Рейн заметил, что и в соседних машинах люди стали вытягивать головы, видно, встречать паром «Рената» ехали многие в этот час.

С этого момента черный «бьюик» ехал побыстрее. Рейн даже заметил, что он не затормозил перед женщиной с коляской, стоящей на обочине.

Рейн стал и сам искать пробелы в соседних рядах, чтобы обогнать медленные машины. Еще несколько автомобилей затормозились вслед за Рейном. Куда только девалась шведская законопослушность.

Рейн и сам не понимал, что происходит, почему все, и он в том числе, так затормозились? Плохой мысли он даже не допускал.

Наверное, наше сознание так устроено, что угадывает плохое наперед, сразу, но, жалея своего обладателя, дает какое-то время подготовиться к страшному известию.

...Люди в здании порта не ходили, даже не бегали, они носились. От окошка информации к мелькнувшей форменной фуражке полицейского или работника порта.

Рейн без раздумий включился в эту угорелую беготню, на ходу узнавая какие-то обрывочные, неясные, смутные, но от этого еще более страшные известия.

Что-то случилось с «Ренатой»...

Уже три часа от нее нет известий...

Отправлены вертолеты...

Отплыли спасатели...

Паром пропал...

Попадались известия и более спокойные. Их было даже, пожалуй, больше. «Рената» сбилась с курса...

Был небольшой шторм, туман, что-то случилось с навигационными приборами, теперь все в норме...

Уже отправлены буксиры встречать ее у входа в акваторию порта...

Но этих ободряющих сообщений становилось все меньше. А тревожных — все больше.

На ступеньках, ведущих в администрацию, вдруг появился кто-то, привлечший всеобщее внимание. Толпа встречающих бросилась туда.

Откуда-то появилось невероятное количество корреспондентов. Они тыкали в важное лицо микрофонами и объективами камер, они наперебой кричали что-то, а важный человек поспешно утирал лицо платком и только жалко улыбался.

— Что случилось? Скажите наконец!!! — закричал позади Рейна кто-то сильным голосом.

И вдруг шум смолк.

Важное лицо опустило голову и произнесло:

— По нашим последним сведениям, паром «Рената» в предполагаемом квадрате не найден.

— Что это значит?! — опять загремел тот же голос. — Они сбились с курса?

— Возможно...

— Они... затонули?! — захлебнулся в собственной догадке сильный голос.

Важный человек не ответил, он только опустил голову.

Толпа вдруг стала напирать. Крик поднялся страшный. Важный человек бросился вверх по лестнице, нагоняемый журналистами.

А толпа качнулась в другую сторону, к огромному телеэкрану, где возникло вдруг лицо того самого важного человека и повторилась только что происшедшая сцена. А потом это изображение сменилось лицом диктора, который печально произнес:

— По сведениям нашей телекомпании, эстонский паром «Рената» затонул в ста двадцати милях от порта. Посмотрите съемки наших корреспондентов с борта вертолета...

— Не-ет!!! — взвизгнул женский голос.

Рейн закрыл глаза. Этого не могло быть. Этого вообще не бывает. Нет, люди так не погибают.

Его жена и мать живы!

Он открыл глаза. На экране видны были серые волны, несколько катеров, прорезающих эти волны, и большой красно-белый круг, качающийся на воде.

«Рената» — было написано на нем.

Рейн пробрался через толпу и вышел из порта. Зачем он это сделал, он бы и сам не смог объяснить — сейчас уходить отсюда было нельзя.

И увидел огромного мужчину, который стучал кулаком в черный лак «бьюика», рыдая во весь голос.

Это был тот самый сильный голос.

Покойник

Петя Осколков проснулся оттого, что человек, с которым он мирно беседовал во сне, вдруг ни с того ни с сего схватил огромный молот и шарахнул бедного Петю по голове.

У Пети аж искры посыпались из глаз, показалось, что голова раскололась на кусочки.

Вот от этой живой и такой страшной картины Петя вскочил с подушки и тут же понял, что сон продолжился явью.

Голова действительно болела. Но не от удара молота. Просто вчера вечером Петя пил.

Начали культурно, с водки «Смирнофф», уложили на троих четыре бутылки. Нет бы остановиться. Хорошо же было!

Куда там! Петю же и послали за новой порцией.

А потом уже пили все, что горело. Попалась бы авиационная солярка, пили бы и ее. Петя уже смутно помнил своих собутыльников. Кажется, это были ребята с приисков. Ну да! Они же сдали партию золотишка, вот и проживали весело роскошные деньги. Но Петя помнил только их профессии. Лиц — никак не мог вспомнить.

Надо было чем-то срочно склеивать голову, поэтому Петя сначала выдул почти полведра воды, потом традиционно пошуровал по батарее бутылок и — безуспешно. Сунул руку в карман — деньги почему-то оказались на месте. И даже много.

«А, ну да! Мать твою за ногу! — мрачно подумал Петя. — Поили-то меня ребята... Кажется».

Но мрачные мысли стали быстро отступать, потому что забрезжил неожиданно близкий свет в конце туннеля. Осталось только добежать до ларька и быстренько прикупить нужных лекарств.

Ларек был в центре, а Петя жил на окраине, но жил-то он не в Москве и не в Нью-Йорке, а в поселке Февральский, поэтому бежать было минут пять.

Петя глянул на себя в зеркало, так, по привычке, но лучше бы он этого не делал. Ну и рожа — детей пугать.

Петя вывалился из дома и попытался сделать несколько движений бегуна. Получилось плохо. То есть совсем не получилось. Хотя поначалу показалось, что вышло даже слишком здорово. Петя вроде как полетел. Но только не вверх, а, разумеется, вниз. Прямо в кучу извести, которую сам же и соорудил в благом порыве отремонтировать наконец свою халабуду.

Вторая попытка закончилась тоже весьма печально. Петя чуть не сшиб забор. Поэтому он решил двигаться медленно, но верно. Эта тактика оказалась продуктивнее. Уже через минуту Петя выбрался на улицу. А там, хватаясь руками за все встречное-поперечное, спокойно двинулся к центру поселка.

Первая странность обнаружилась метров через двадцать. Вышедшая из дома старуха с ведром посмотрела на Петю диким глазом, почему-то перекрестилась и медленно села на землю.

«Все, — подумал Петя, — допился, люди шарахаются».

Вторая странность была в виде грузовика, который шел навстречу Пете, но вдруг завизжал тормозами и чуть не вмазлся в дерево. Водитель вывалился в окно и проводил Петю ошалевшим взглядом.

Петя попытался ему улыбнуться, но вышло еще хуже — водитель закрыл лицо руками и вжал голову в плечи.

«Ну и плевать! — обиженно подумал Петя. — Как будто сам не бывал в состоянии острой похмелюги! Тоже мне — трезвенник!»

Третьей странностью была толпа алкашей на подходе к палатке, которая как раз после очередного тоста подносила ко ртам банки с портвейном, но, увидев Петю, даже забыла

выпить. Это было уже из ряда вон. Это было как пришествие инопланетян. Хотя даже пришествие инопланетян — Петя это знал точно — не остановило бы алкашей.

«Может, я кого-нибудь убил? — с тоской подумал Петя. — Может, я свой вертолет сжег?»

Мысль о вертолете что-то смутно напомнила Пете, но он был уже возле коммерческого ларька, а тут все мысли сводились к одному: что брать?

Вот раньше было здорово — берешь что дают. А нынче — демократический выбор России. Одних водок видов двадцать. А вин — не перечесать! А еще ликеры, пиво, коньяки, шампанское и какие-то экзотические бутылки, содержимое которых не пробовал даже Серега Дегтярев, а он пробовал все.

При мысли о Сереге снова что-то смутно шевельнулось в душе Пети, но заикнуться на этом Пете не удалось, потому что продавщица Валька, увидев Петю, протягивающего руку в окошко и требующего три пива и две «Довганя», сошла с лица и завалилась всем своим пышным телом прямо на ящики с сигаретами.

Вот только тут Петя понял, что все странности — и не странности вовсе, а закономерности. Потому что уж Валька на своем веку всякого повидала: ее какая-то там рожа в беспамятство не привела бы.

Петя растерянно оглянулся на алкашей и спросил хрипло:

— Братцы, че я наделал?

Алкаши долго выходили из ступора. Петя повторил свой вопрос несколько раз, даже высказал кое-какие предположения, даже подергал алкашей за рукава, но они только открывали беззвучно рты, пока наконец один из них, поселковый дурачок Кепка, не загудел, не замал руками, расплескивая портвешок, и не спрятался за спины остальных.

— Ты ж того, — выговорил наконец кто-то. — Теперь, значит, по наши души?

Этот ответ мало чего внес в дело прояснения ситуации.

— Чего — я? Убил кого? — спросил Петя.

— Не... Ты сам... Ты ж того... Трах-бах...

В этот момент диким голосом завизжала Валька, которая наконец пришла в себя:

— А-а-а-а!.. Покойник! Помогите!!!

Она тыкала пальцем в Петю и повторяла свою ахинею на разные лады.

Петя снисходительно улыбнулся:

— Валуха, мать твою за ногу, это ж я просто в известку свалился. Какой же я покойник?

— А-а-а!!! Разговаривает!!! — визжала продавщица.

Петя понял, что известка скорее всего ни при чем.

— Тихо!!! — гаркнул он что было мочи. — Молчать всем!

Валька замолчала.

— А теперь объясните мне популярно: почему мое лицо вас так настораживает?

Известно, что состояние похмелья делает наши речи весьма изысканными.

— Т-ты ж помер... — ответила Валька уже вразумительнее. — Грохнулся на вертолете.

Улыбка снисхождения сползла с лица Пети. Смутные его мысли стали укладываться в стройную картину.

«Мать твою за ногу! Я ж должен был сегодня лететь в Златоустовск! Почему же я здесь? — было первое, что отчетливо вспомнил Петя. — Ну точно — груз золотишка надо было везти. Как раз от этих ребят с приисков. Но я здесь. И все считают, что я помер. Это выходит, что...»

Петя дико огляделся по сторонам.

Дело в том, что как раз Серега Дегтярев выручил Петю. Он зашел к Пете ранним утром и, увидев друга в состоянии неструганой доски, сказал:

— Ясно, командир. Полетим без тебя.

«И я остался спать. А Серега полетел...»

— Так я же живой! — закричал Петя. — С чего вы, братцы, взяли, что я помер?

— Так грохнулся твой вертолет, — уже окончательно поставила точку над «и» Валька. — Час назад сообщили...

Теперь и известка была ни к чему — Петя стал бледнее смерти.

Вместо него, вместо гада-алкаша Петьки Осколкова, погиб его друг, самый лучший человек на земле, — Серега Дегтярев!!!

Московские гости

— Жизнь прекрасна и удивительна, — уныло бубнил Турецкий. — Удивительна. И прекрасна.

Шквальный ветер не давал вертолету ни секунды покоя. А сильная облачность заставляла «Ми-8» искусно нырять стрекозой вверх-вниз, выискивая прозрачные коридоры, и иногда лишь чудом не задевать верхушки скал. Казалось, пилот нимало не заботился о том, что чувствуют при этом пассажиры. Впрочем, он думал в тот момент лишь о собственной жизни, а пассажиров это должно было устраивать.

Турецкий заставил себя посмотреть в иллюминатор и тут же почувствовал, как манят и притягивают смертельные ущелья. Турецкому даже показалось, что он разглядел обломки металла, большой винт и какие-то темно-красные предметы... Да это же расплющенные человеческие тела!

Он летел вместе с Рагдаем, и верный колли оставался единственным живым существом на борту вертолета, пребывающим в хорошем расположении духа. Все остальные были откровенно близки к панике. Набегавшись вдоволь перед полетом, Рагдай преспокойно улегся возле ног Турецкого и самым наглым образом заснул.

На лицах немногочисленных пассажиров был уже написан самый настоящий страх.

— Все, хватит! — закричал кто-то. — Надо возвращаться!

Огромный детина в кожаной куртке с оттопыривающимся карманом извлек оттуда гранату и заорал, не обращая ни к кому конкретно:

— Вашу мать! Можете считать меня террористом! Я захватываю гребаный вертолет! Передайте этим блядским уродам в кабину: пусть летят куда угодно, только медленно и печально, как на похоронах! Иначе я сейчас сам их устрою!

Вертолет еще раз сильно мотнуло, Рагдай встрепенулся. И, плохо соображая со сна, кинулся на детину, кусая его за руку.

— Нет, Рагдай, нельзя! Назад! — закричал Турецкий.

Но было поздно: граната выпала на пол. Чека осталась у парня в руке. Тупо разглядывая ее, он открыл рот.

И в ту же секунду яркая вспышка заслонила все...

Турецкий проснулся. Лоб его покрылся испариной. Он почувствовал, что страшная болтанка прекратилась, и огляделся. Мощный «Ту-154» летел так плавно, что это не ощущалось вовсе. Погода за бортом была изумительная. Никакого Рагдая рядом не было и в помине, конечно же он остался дома. А в соседнем кресле сидел беспокойно ерзающий Слава Грязнов. Этот огромный, знающий всему на свете цену мужик в кожаной куртке боялся только одного — летать самолетом.

Однако же полетел, поскольку этому событию предшествовал ряд не менее важных.

Началось с того, что новый генеральный прокурор, назначенный в конце прошлого года, быстро разобрался в скверных деяниях своего предшественника и уговорил вернуться в Российскую прокуратуру Константина Дмитриевича Меркулова — на прежнюю должность, зама по следствию, а бывшего «важняка» Турецкого, уже с помощью Кости, — обратно в его же кабинет с широким подоконником и с напольными часами, остановившимися в день падения Бастилии.

Затем, ввиду острой нехватки высокопрофессиональных сыщиков, по личной просьбе генпрокурора, тоже «молодой» министр внутренних дел по-своему «уговорил» директора частного охранно-розыскного агентства «Слава» Грязнова временно переложить руководство на заместителя, а самого вернуться хотя бы на время в МУР и войти в состав следственно-опе-

ративной группы Турецкого. Поработать со старым своим другом Грязнов был не прочь, но вот самолет...

— Если ты еще раз скажешь что-нибудь про прекрасную и удивительную жизнь... — выдавил Грязнов.

«Хорошо, что он со мной, — подумал Турецкий, — мы всегда так действуем друг другу на нервы, что мозги лучше начинают работать». И ехидно осведомился:

— Слава, ты когда-нибудь прыгал с парашютом?

— Отстань. — Грязнова явно подташнивало.

— Когда я прыгал первый раз, парашют раскрывался автоматически — от натяжения тросика...

— Саша, помолчи, ради Бога.

— Так вот, когда я прыгал первый раз, я забыл отключить запасной парашют, а он тоже открывался автоматом, и я, представь, приземлился под двумя куполами. Так что падал я чудовищно долго.

— Слушай, какого черта, а? Лучше найди мне какое-нибудь снотворное, — сказал Грязнов, завистливо глядя на безмятежно спящего в соседнем ряду белобрысого парня в дорогом костюме с цветастым галстуком. Его длинные ноги уходили далеко под следующее кресло. Грязнов по рабочим обстоятельствам не спал двое суток.

— Не советую тебе спать, старик, — искренне сказал Турецкий. — Там во сне сейчас такие вещи показывают. Костей не соберешь. А знаешь, есть такой фильм Хичкока — «Головокружение»? Очень рекомендую, и исключительно в терапевтических целях. Кстати, это детектив. Там один сыщик уронил себя с крыши и не мог с тех пор подняться выше второго этажа. Как ты думаешь, что его вылечило?

— Баба, надо полагать, — хмуро сказал Грязнов.

— Точно. Но есть еще и другие народные средства.

— Какое участие! — фыркнул Грязнов. — Лучше расскажи, что ты знаешь о Малахове.

— Ну, это много времени не займет. О Малахове я до того, как его санировали, вообще не слышал. Теперь вот знаю, что за два дня до гибели он связался с генеральным прокурором и попросил прислать следователя. Впрочем, он ведь скорее по твоей части, а, Славутич?

«Славутич» тоскливо посмотрел на прошелестевшую мимо миловидную стюардессу. Родинка над верхней губой ничуть ее не портила.

— Санировали? Что это за терминология?

— Санировать — значит очистить. Это терминология смежников — фээсбэшников.

— Ох уж мне эти ученые словечки! Санировали, — произнес Грязнов с отвращением. — Грохнули мужика — так нет же, видите ли, — санировали... Честно говоря, — признался Грязнов, держась одной рукой за горло, другой — за живот, — я знал одного Малахова, его однофамильца. Был в Москве такой довольно известный хоккеист, защитник, сейчас в НХЛ шайбу гоняет. Он у нас проходил свидетелем по одному пустяку. А у этого твоего я успел только несколько бумажек посмотреть. Значит, говоришь, грохнули его на охоте?

— Охота — дело темное, — хмыкнул Турецкий.

— Ну конечно, — через силу съязвил Грязнов. — Малахов упал на охотничье ружье и случайно зацепил курок. Поднялся, споткнулся и снова упал. И так девять раз. А все стояли и смотрели.

— Там был еще кто-то? — спросил Турецкий. — Ты разве что-то знаешь?

Грязнов пожал плечами. И убежал в туалет.

А Турецкий вытащил из кармана переднего кресла журнал «Аэрошоп» и с удовольствием погрузился в чтение. Обнаружив что-то интересное, он живо подозвал стюардессу с родинкой и ткнул в журнал пальцем:

— Что я могу отсюда заказать?

Когда Грязнов вернулся, на маленьком откидном столике стояла бутылка коньяка «Реми Мартен».

— Сейчас, — лукаво улыбнулся Турецкий, — я буду лечить твой вестибулярный аппарат. Сделаем из тебя космонавта. Можешь не сомневаться: я знаю старинный турецкий рецепт. Что ты об этом думаешь?

— Но ведь если мы приедем подшофе, — Грязнов никогда принципиально не произносил слово «прилетать», — это будет несколько ненатурально. Или нет? — оживился он.

— Или! — скомандовал Турецкий.

Спустя полчаса заметно возродившийся Грязнов безапелляционно провозгласил:

— Что там ни говори, Саня, а в последнем деле ты проявил себя натуральным лопухом. Я внимательно следил: ты постоянно вызывал огонь на себя, как мальчишка. Спрашивается, кому это надо?! Если собираешься выпендриваться и дальше, лучше скажи сразу: по крайней мере, у меня будет время поставить тебя на место.

— Вот как?

— Да, натурально так. Никакого понятия об элементарной логике, мать ее! Не бывать тебе генпрокурором. Ты хоть помнишь, что такое дедукция, Конан Дойла в детстве читал?

— Был грех.

— Ну так перечти, черт возьми. Предупреждаю, в Сочи вначале мы будем собирать факты, а не лезть на рожон. Я говорю, сперва нужно иметь на руках все данные, а уж потом решать, каким именно мерзавцам крутить бошки.

— Логично, мистер Холмс. Только то, что ты говоришь, называется индукцией. А дедукция — это как раз наоборот: выдвижение гипотезы, на которую проецируются все предыдущие события. Или подверстываются.

— Ты на что-то, кажется, намекаешь?

Турецкий улыбнулся и пожал плечами.

Грязнов посмотрел на него слегка помутневшим взглядом и сказал:

— В той истории я, натурально, был ни при чем. А вот послушай лучше о пользе вина! Бутылка была пуста.

— Это коньяк, — напомнил Турецкий. — Причем отличный.

— Не важно. О пользе коньяка. Ты только представь, насколько по-другому могла бы повернуться история, если бы в семнадцатом году Ленин оказался не в состоянии влезть на броневик?! Индукция? — И он заказал еще одну бутылку.

Спящий парень в соседнем ряду напротив них так и не проснулся.

— Это ты уже сам, — предупредил Турецкий. — А мне еще разговаривать с аборигенами. Кстати о броневиках. Нас встречают, я надеюсь, какие-нибудь местные Шерлоки?

В иллюминатор было уже видно море.

— Встречают? — удивился Грязнов. — С чего бы это?

Оживленная толпа действительно встречала пассажиров самолета непрерывными криками «браво». Щелкали вспышки фотоаппаратов, гудели съемочные камеры, скрипели диктофоны.

— Ну уж нет, давай подождем, — сказал Турецкий, поддерживая Грязнова. — Кого это они так могут встречать, Киркорова?

— Ты уверен, что не нас?

Как только на трап ступил заспанный молодой человек в дорогом костюме, толпа взредела от восторга, зашаталась и стала давить сама себя.

— Господин Кафельников! — вопила тетка, придавленная сверху коллегами-журналистами. — Сочи гордятся вами! Или гордится? Ваш родной город просто счастлив, что, выиграв открытое первенство Франции, Евгений, вы нашли время...

Кафельников юркнул в неизвестно как оказавшийся на летной полосе черный автомобиль и был таков. Толпа журналистов моментально рассосалась. И пассажиры смогли уже спокойно погрузить себя и вещи в подъехавший автобус.

Солнце жарило вовсю.

В аэропорту Турецкого и Грязнова встретил худой загорелый и улыбчивый человек, представившийся майором угрозыска Андреем Трофимовым. Он был в потертых джинсах и футболке.

На вид ему можно было дать не больше сорока лет. Брови редкие, глаза голубые, постоянно шурится, ресницы короткие, взгляд рассеянный, но движения резкие, экономные, рост метр семьдесят пять — семьдесят восемь. Зато речь по-южному плавная, спокойная и обильная ненужными эпитетами и прилагательными, привычно фиксировал Турецкий. Затем спохватился: «Фу, черт, зачем это я?! Да, еще на левой руке внушительное кольцо-печатка. Редкая вещь для мента, и это хорошо...»

Казалось, Трофимов готов был разговаривать о чем угодно, кроме дела, но удивительно, что в то же время он постоянно куда-то торопился, укоризненно поглядывал на часы и пританцовывал на месте, видя, что собеседники не спешат. Сейчас он выдавал множество разнообразной информации о погоде, температуре воды, атмосферном давлении, количестве отдыхающих, президентских дачах и пр.

— Что с Малаховым? — спросил Турецкий.

— Малахов скончался, — любезно откликнулся Трофимов. И добавил: — А все же не слабо Кафельников уделал всех во Франции! Ну что, поехали? — Он подталкивал их к припаркованному на стоянке милицейскому джипу «паджеро» темно-синего цвета.

— Неплохо в Сочах упакованы, — оценивающе сказал Турецкий. — Как тебе, Слава?

Слава, погрузившись на заднее сиденье, реагировал довольно вяло.

— Это заслуга Малахова, он выбил пять машин для управления из одного тутошнего коммерсанта, — криво усмехнулся Трофимов.

— Ну а мы сейчас в управление?

Трофимов замотал головой:

— На похороны.

— То есть как — похороны?! Неужели кого-то еще?...

— На похороны Малахова. Мы успеем, если постараемся, — объяснил Трофимов, прямо таки подпрыгивая за рулем. — В нашей гостинице для вас приготовлены одноместные номера.

— Я думал, со дня убийства прошло уже не меньше недели, — притворно удивился Турецкий. — Похоже, мы здесь здорово кому-то понадобились? Но почему такая суета, я так ничего и не понял.

— Когда убивают начальника угрозыска — не до смеха, — улыбнулся Трофимов и дал по газам. — А «дэзу», честно говоря, я пустил, чтобы вы поскорей прилетели: боюсь, что дело прикроют. А тут — все же столичные спецы, глядишь, начальство не посмеет. Я ведь вас помню, Александр Борисович. Пару лет тому назад был я в Москве на переподготовке и попал на ваши лекции в МВД. Вы тогда что-то рассказывали о новой практике нейро... лингвистического программирования, так вроде бы, да? Довольно интересно, но, как выяснилось, у нас в провинции — совсем неприменимо, — усмехнулся Трофимов.

— Вот как?

— Ага, я же все конспектировал, как честный пионер, тащился от этого страшно, а потом тут внедрять пытался. Завалил быстренько пару дел, получил пистон от Малахова — на этом все и закончилось.

Трофимов гнал невероятно, даже и не пытаясь попасть в «зеленую волну» и совершенно игнорируя светофоры. Искушающе-летний курортный город стремительно проносился мимо.

Непостижимым образом ощущалось близкое присутствие моря. Это чувство расслабляло и умиротворяло.

«А нельзя, нельзя, — подумал Турецкий. — Сколько же я здесь не был? Последний раз, кажется, мы с Ирккой года четыре назад в „Жемчужине“... Или больше?... Да-да, эту холяву нам Меркулов подкинул...»

Раздавшийся негромкий храп засвидетельствовал глубокий и здоровый сон Грязнова.

— Давайте по порядку, Андрей... по отчеству?...

Трофимов махнул рукой: обойдусь, мол.

— Жена Малахова говорит, что об этой охоте она ничего заранее не знала. Дети тоже не слышали.

— Я хочу с ними поговорить, — сразу сказал Турецкий.

— Конечно. Но не на похоронах же. Значит, об охоте муж наговорил ей на автоответчик: дескать, приехали два старых приятеля, и мы с ними немного порыбачим там, постреляем. Вернусь через два дня. Жена переполошилась: как — через два дня, у нас же завтра то-се, пятое-десятое. Позвонила в управление помощнику — тот ничего не знает. Проходит день, два, три. На исходе третьего Малахов выползает на дорогу из яковлевского леса и там умирает, на руках у случайного водителя.

— Что на нем было?

— Охотничье снаряжение вы имеете в виду? Было, было. Все чин чинарем.

— Понятно. С этим вашим случайным водителем тоже нужно пообщаться.

— А вот это — дудки, — ухмыльнулся Трофимов. — Не выйдет. Вчера вечером он разбился на машине.

— Сам? Или его разбили?

— Выясняем. Но похоже — нет. Молодой дюжий парень, хотя всего девятнадцать лет, пацан еще фактически! Но уже — профессиональный автогонщик. Должен был выступать в «Формуле-3». Забавно, правда? Спрашивается: как такой субъект мог банально разбиться? Алкоголя в крови не нашли. — Трофимов глянул на спящего Грязнова и подмигнул Турецкому.

Турецкий промолчал, задумавшись.

«Не слишком ли вольно ведет беседу Трофимов? Что-то есть, пожалуй, в этой свободе настораживающее. Или истерическое? Или я фантазирую?»

Трофимов глянул на часы:

— Можем опоздать. — Он прибавил газ. — В общем, тупик — полный. Малахов лично занимался многими делами. И врагов у него, я полагаю, хватало. Но ничего конкретного у нас на них нет, мотивы отсутствуют. Надо искать этих его приезжих приятелей. Но как?! Уму не постижимо. Никто про них ничего не знает. Все приятели Малахова — наперечет. Сидим тут как идиоты, думу думаем.

— А кто теперь будет начальником уголовного розыска?

— Боюсь, что я, — признался Трофимов. — Пока что исполняю обязанности. Сто лет он мне был нужен, этот геморрой. Я что-то не то сказал?

— Какими делами последнее время занимался Малахов?

— А вы были с ним знакомы? — прищурился Трофимов.

— Отчасти, — соврал Турецкий, сам не зная зачем.

— Ну тогда вы знаете, что его никогда не хватало на что-нибудь одно. Вот информация по этому поводу, я специально захватил. — Он протянул Турецкому папку. — Дело о большой партии наркотиков из Таджикистана... Похищение помощника личного представителя президента... Пожар в гостиничном комплексе... Пропажа тринадцати фильмов из программы кинофестиваля...

— Кинофестиваля? — удивился Турецкий. — Это так важно?

— А как же. Из всех искусств для нас важнейшим является оно. Это же политика. А фильмы пока что не найдены. Скандал разгорелся приличный.

Они проехали мимо украшенного бесконечными рекламными щитами зимнего театра. «Кавказский пленник», «Ревизор», «Тот, кто нежнее»... Перед ним стояло слишком много машин, преимущественно иномарок, сустились десятки людей. Очень странно, но буквально все их физиономии показались знакомыми. Играла музыка.

«Жара, — подумал Турецкий, — это все жара».

— Сегодня открытие, — объяснил Трофимов, — «Кинотавр», международный кинофестиваль, разве вы не слышали? Янковские там, рудинштейны всяческие.

— И что, среди этих тринадцати, — усмехнулся Турецкий, — были хорошие фильмы?

— Голосуй! Или проиграешь! — вдруг сквозь сон сказал Грязнов.

— Я знаю, что такое работать в Москве, — сообщил Трофимов. — Все вокруг начинают казаться преступниками. Но поверьте, и у нас здесь сейчас это недалеко от истины. И встывать в их дела иногда себе дороже.

Турецкий совершенно искренне согласно кивнул. Потом спросил:

— А как насчет леса?

— То есть?

— Где охотился Малахов. Прочесали? Там вполне могло что-то остаться. Разве не ясно, что нужно проследить путь — как он выполз на дорогу?

— Это же огромное пространство. Туда надо полк солдат закинуть, чтобы что-то найти! Не говоря уже о том, что дождь в тот день сильный был, вряд ли что сохранилось.

Турецкий пожал плечами:

— Дождь дождем. Значит, придется отправить полк.

Трофимов довольно потер руки:

— Чего нам тут всегда не хватало, так это московского размаха.

— На особенный разгул не рассчитывайте, но в меру пошерстить все придется.

— С вашим приятелем пошерстишь, — снова ухмыльнулся Трофимов, кивнув на Грязнова.

— Об этом не волнуйтесь. Он еще свое слово скажет.

Джип уже давно выехал за город. Море было все время справа. Казалось, цивилизация осталась далеко позади. Дикие каменистые пляжи, прозрачно-чистая вода. Но уже через пятнадцать минут показался первый волнорез. Пляжи теперь были небольшие — через каждые сорок метров они разделялись двухэтажными бетонными понтонами. «Грибки» от солнца, раздевалки, душевые, спасательные и лодочные станции. Было очень жарко. Ленивые отдыхающие нехотя вносили себя в воду и оставались там надолго.

— Между Сочи и Адлером есть такое местечко — Бургас, — сказал Трофимов.

— Болгарское вроде бы слово?

— Ага, болгары когда-то отстраивали нам побережье. Многие даже жить здесь остались... Вот на тамошнем кладбище у Малаховых — семейные могилы. Через пару минут мы будем на месте.

Грязнов проснулся. В нескольких шагах от него стоял гроб с покойным. Турецкий с Трофимовым уже вышли из машины.

Турецкий смотрел на серое лицо человека, который, возможно, предчувствуя свою гибель, еще две недели назад просил прислать следователя-«важняка» из Москвы. Широкие скулы, приплюснутый нос, тяжелый подбородок, уши плотно прижаты к голове — лицо боксера, в любой момент готового к схватке.

«Но уже поздно, — подумал Турецкий. — К несчастью, для тебя, мужик, все уже закончилось».

Удивляло, что Малахова хоронили как мирного, штатского человека.

Невдалеке, на дороге, стояло полтора десятка машин, хотя людей на кладбище было не так уж и много. Местные власти представлял вице-мэр. Начальник городского управления МВД полковник Самсонов пожелал удачи Турецкому и Грязнову и уехал прежде, чем панихида завершилась. Многочисленную семью Малахова — жену, четверых детей, двух братьев, сестру и тетку — окружали сослуживцы, подчиненные убитого начальника уголовного розыска. Всех их Трофимов тихо называл Турецкому и Грязнову по именам. Присутствовало еще несколько молодых мужчин, про которых трудно было что-либо сказать, кто они, Трофимов их не знал.

Турецкий обратил внимание, что о заслугах Малахова, как обычно принято в таких случаях, практически не было сказано ничего. Но говорили при этом много и явно искренне о чисто человеческих качествах полковника: его дружелюбии, честности, мужестве и так далее. Отметили, что незаменимых у нас, конечно, нет, но, похоже, это именно такой случай, в человеческом, личном плане. Сказали, что память о таком человеке не может не остаться навсегда. Вице-мэр добавил:

— Иван Сергеевич Малахов был человек во многом уникальный. К несчастью, трагическая нелепость оборвала эту достойную жизнь в самом расцвете.

«Да уж, — подумал Турецкий, — три пули — это, конечно, нелепость».

— ...А ведь у него были такие планы. Такие планы...

Вдова Малахова сокрушенно покивала головой.

— Саша, что ты об этом думаешь? — спросил Грязнов. — Он определенно чувствовал неловкость за свое полупохмельное состояние.

— Не знаю пока. Это может не значить ничего. А может быть — многое.

Солнце жарило уже не так сильно, более того, небо с востока заволокло облаками.

Когда последняя горсть земли упала в яму, Трофимов попрощался со вдовой Малахова, его детьми и родными и подошел к Турецкому.

— Ну что, теперь в управление и в гостиницу?

— Нет, Андрей, давайте в яковлевский лес.

Трофимов покачал головой, но предпочел промолчать.

Дорога заняла не больше сорока минут. Небо хмурилось все больше и уже напоминало Турецкому давешний сон в самолете.

Еще в машине Турецкий просмотрел материалы по гибели Малахова.

— Калибр оружия?

— Стандартный: 7,62 мм. Стрелять могли из чего угодно.

— Количество пулевых ранений?

— Три. Два в область живота и одно в голову.

— Другие следы насилия? — настаивал Турецкий.

— Отсутствуют.

— Выстрел в голову похож на контрольный?

— Вполне. За исключением того, что явно сделан с большого расстояния, как и два предыдущих, судя по результатам баллистической экспертизы, там у вас в папке это все есть. Но именно ранение в живот было смертельным. Так что не похож он на контрольный, — ухмыльнулся Трофимов, делая поворот.

— Неужели с такими дырками сумел выползти из леса?!

— Вот это, конечно, самое поразительное. Судя по большой потере крови, Малахов полз довольно долго, есть подробное заключение судмедэкспертизы.

— Или лежал на самой опушке без сознания, затем в последний момент очнулся и выполз?

— Едва ли, судя по одежде. Он прополз порядком.

— Понятно. А возможно ли по грязи на одежде определить его путь?

Трофимов задумчиво покачал головой.

— Я же говорил, был сильный дождь. Сами видите, как погода все время меняется, — он показал на небо. — Разве только Малахов в лесу что-нибудь выронил и мы действительно сгоним на поиски этого полк солдат...

— Жена может знать, что у него было с собой? Кто с ним обычно охотился? — Турецкий буквально засыпал вопросами, причем делал это специально. — Он вообще часто это делал? Есть тут постоянный егерь? Вас Малахов с собой никогда не приглашал?

— Я — человек довольно мирный, — спокойно реагировал Трофимов, продолжая гнать с бешеной скоростью. — А остальное — выясним, оплошали, это точно. Но вы же сами знаете, на такие дела всегда хорошо смотреть с расстояния.

Шоссе было свежесфальтированное и довольно узкое. Со стороны моря оно было ограничено редкими столбиками, кювет за которыми был пугающе глубоким. Но наконец приехали.

— Действительно, здесь очень мало места, чтобы разъехаться. Кстати, в то утро движение тут было более оживленным. Юный автогонщик успел сказать: когда раненый мужик выполз на дорогу, едва не случилась авария.

— Где это место?

Трофимов показал. За стеной бурьяна ничего не было видно. Но начинавшийся через десяток метров густой и темный лиственный лес мог вообще скрыть любую тайну.

— Да, — кивнул Турецкий. — Теперь я понимаю ваш скепсис относительно поисков. Но других вариантов пока что нет. Существует какая-нибудь карта этой местности?

— Есть, — улыбнулся Трофимов. Он сломал тоненький прутик и, ни секунды не задумываясь, начертил карту. — Эта дорога относительно леса — кольцевая. Здесь заканчивается лиственный лес и начинается хвойный — очень рекомендую. А тут заканчивается и хвойный и начинается уже песчаная отмель.

— Отмель?

— Да-да. Здесь каскад из трех озер. По сути, это водохранилище, оно ни с чем не связано, ниоткуда не вытекает и никуда не втекает. Я думаю, Малахов там рыбачил. Потому что стрелять тут можно только куропаток — довольно сыро, и они гнездятся на берегах озер. Основная живность начинается дальше, километров через тридцать, где кольцевая размыкается и лес расширяется примерно до семидесяти километров в диаметре, если можно так сказать. Вот там уже настоящие джунгли. Там диких кабанов навалом. У Малахова было с собой очень серьезное ружье — охотничий «Мосберг».

— Где оно сейчас?

— Было на Малахове, когда он выполз.

— Ну и ну! — поразился даже Грязнов, растирая свои ноющие виски.

— Жена говорит, что «Мосберг» ему подарил еще в советские времена министр МВД Щелоков за отлично организованную охоту для московских шишек.

— В каком состоянии было ружье?

— Было сделано не меньше десяти выстрелов, это судя по упаковке патронов... Но... — Трофимов замаялся.

— Договаривайте.

— Ствол был уже чистый. То есть...

— ...То есть выстрелы были сделаны на охоте, а не по людям, правильно?

— Да. Естественно, никаких охотничьих трофеев, даже куропаток, при нем не было.

— Ну вот, а говорите, в лесу нечего искать, — укоризненно обронил Турецкий. — Жизнь прекрасна и удивительна.

— Просто ситуация абсурдная, — объяснил свои чувства Трофимов, хотя они были ясны и понятны каждому. — Если его так называемые приятели действительно были охотниками, то добычу запросто могли забрать себе, охотники в этом отношении бывают — просто маньяками.

Если, конечно, вообще эта добыча была. Но рыбачил-то Малахов всегда сам. Если он оказался в этом перелеске, значит, он именно рыбачил: на куропаток Малахов размениваться не станет — это подтвердили все.

— У него были снасти с собой?

— Снасти он держал в сторожке егеря.

— Значит, егерь все-таки есть?

— Есть только сторожка, егеря нет. Малахов его сам посадил за браконьерство: старикан тот еще был — рыбу гранатами глушил.

— А снасти где?

— Неизвестно, в сторожке — пусто.

— Значит, Малахов поохотился, возможно, с кем-то, потом пришел на водохранилище, порыбачил, а потом его кто-то подстрелил? Мог он доползти от водохранилища?

— Мог-то мог, — почесал голову Трофимов. — Но, честно говоря, я не уверен, что он вообще охотился.

— Ну да, — скривил губы Турецкий, — он рыбачил, на него напали, он отстреливался. Потом они решили, что добились его, и ушли. После этого умирающий Малахов почистил свое ружье и пополз на дорогу, так, что ли?

Грязнов предпочитал молчать.

— Действительно, какой-то бред, — пробормотал Трофимов. — Если ружье чистое, хотя патроны израсходованы, значит, он все же охотился, а не отстреливался.

— А что вот там дальше? — Они прошли с десяток метров вперед по широкой, регулярно вытаптываемой тропе.

— Там заканчивается городской лесопарк, но это только название, до города довольно далеко. На самом деле — здесь дачный поселок. Практически все боссы города тут живут. Удобно: лес под боком, хочешь — море, хочешь — озеро.

Они вышли к лесопарку, и Турецкий с Грязновым смогли убедиться в том, что домики местной элиты действительно выглядели — будь здоров.

— У Малахова, конечно, тоже была здесь дача? — Грязнов безразлично развернулся обратно в сторону оставленной на дороге машины.

— У Малахова родительский дом в поселке, и тот разваленный. Он был почти поэт. Кроме своей работы и охоты, чихать на все хотел. Детьми и домом жена занималась. То есть занимается, конечно... — торопливо поправился Трофимов.

— Вы слышали? — сказал вдруг Турецкий.

Раздался приглушенный крик. Затем — снова.

— Пожалуй, да, — согласился Трофимов.

— Это оттуда, — резво вернувшийся Грязнов показал на двухэтажный особняк из красного кирпича.

— Разве? Далековато будет, — засомневались и Трофимов и Турецкий.

— Ветер сильный, натурально доносит, — объяснил Грязнов.

Следующий крик не оставил сомнений в его правоте: полным отчаяния голосом кричала женщина...

Старость

В эту ночь, впрочем, как и во все предыдущие, Гиббону не спалось. Мучил давнишний, приобретенный еще тридцать лет назад в лагере, ревматизм. Возможно, он бы уже давным-давно забыл и холодные бараки, и темные шахты, где по колено в воде грязные, оборванные зеки, еле ворочающие отбойными молотками, долбили стену, добывая столь необходимую стране никелевую руду.

Сам Гиббон, конечно, никогда бы в жизни не прикоснулся к отбойному молотку даже под страхом смерти, ведь чтящему воровской закон уркагану, каковым он и являлся, работать не полагалось. Но администрация лагеря строго следила за тем, чтобы все без исключения заключенные спускались в забой. Там-то Гиббон и заработал свой ревматизм.

Где-то вдалеке три раза ударили корабельные склянки. Промучившись еще с полчаса, Гиббон встал с постели, включил маленькую лампу, стоявшую на тумбочке, и, вытащив из пачки сигарету, неторопливо закурил. Затем снова щелкнул выключателем, подошел к окну и раздернул плотные шторы.

За толстыми, пуленепробиваемыми стеклами перед ним открылась панорама ночного Владивостока. Город спал. Освещенной оставалась только широкая Светланская улица и военный порт вдалеке. Время от времени черноту ночного неба пропарывал широкий луч маяка.

Внизу, во дворе, вдоль высокой глухой стены, окружавшей трехэтажный дом Гиббона, то и дело пробегали огромные сторожевые псы. Целый день спавшие на псарне ротвейлеры по ночам устраивали игры, порой переходящие в настоящие схватки. Тогда выходил кто-нибудь из охраны и утихомиривал разыгравшихся животных, чтобы те, не дай Бог, не разбудили хозяина.

Впрочем, в последнее время Гиббон чаще всего по ночам бодрствовал. И виной тому был не только застарелый ревматизм. Старый вор стал замечать за собой неприятную вещь — с наступлением темноты его охватывал странный, необъяснимый страх. И хотя дом Гиббона больше напоминал укрепленную крепость, беспокойство ни на миг не покидало его до тех пор, пока из синей дымки Амурского залива не поднимался желтый диск солнца.

Гиббон глубоко затынулся и на секунду увидел в оконном стекле свое отражение, освещенное красным огоньком сигареты.

«А ведь зажженную сигарету издали видно... И для снайпера отличная мишень, — подумал он и, забыв про пуленепробиваемые стекла, похолодел: — Хотя кому может понадобиться убирать старика?»

На всякий случай он все-таки отошел от окна и снова забрался в постель. Ноги крутило еще сильнее прежнего. Когда боль стала совсем уж невыносимой, Гиббон снял трубку телефона.

— Слушаю, Осип Петрович! — раздался заспанный голос охранника.

— Как там дела, Федюня?

— Все спокойно, Осип Петрович.

— Ты вот что... Разбуди Алку. Пусть ко мне подымается. И мазь пусть захватит. — И, не дожидаясь ответа, Гиббон положил трубку.

Минуту спустя в дверь постучали.

— Заходи...

В спальню вошла крупная спелая деваха, высокая белая грудь которой не умещалась под кокетливым голубым халатиком.

— Что, опять ревматизм, Осип Петрович? — участливо спросила Алла.

— Одолел, курва! Мазь принесла?

Красавица поставила на тумбочку большую пластмассовую банку с ярко-красными иероглифами.

— А это еще что такое? — недоверчиво кивнул на банку Гиббон.

— Пашка из Японии привез специально для вас. Говорят, чудодейственное средство.

— А-а, — махнул рукой Гиббон. — Все они так говорят.

Он откинул одеяло, и массажистка, зачерпнув из банки мази, стала втирать ее в изуродованные подагрой ноги Гиббона. От ласковых и одновременно сильных женских прикосновений по ногам разлилось приятное тепло. Гиббон с интересом наблюдал за ее размеренными движениями, смотрел на тяжелую грудь, то и дело выглядывающую из разреза халата, упругие ляжки, сильные ягодицы, четко прорисовывающиеся под тонкой тканью. Конечно же почувствовав на себе раздевающий взгляд хозяина, Алла повернулась так, чтобы ему было удобнее разглядывать все ее прелести.

Пухлые пальцы красавицы подбирались все выше и выше к паху Гиббона, и в какой-то момент ему даже показалось, что еще чуть-чуть, и он, пожалуй, сможет...

«Ну давай, друг, давай», — повторял он про себя как заклинание.

Руки массажистки двигались все быстрее. Боль в суставах почти прошла. Старик уже было собрался протянуть руку у ее жаркому телу, как вдруг в его памяти всплыли все прошлые безрезультатные попытки, и он понял, что и на этот раз все будет точно так же, то есть — никак.

«Все-таки шестьдесят восемь лет — это не шутка», — попытался успокоить себя Гиббон.

Алла мельком глянула на него. В ее глазах старый вор прочитал все то же участие и даже жалость. Ему вдруг стало стыдно за свое сморщенное тело, безволосые ноги, дряблую гусиную кожу. По сравнению с накачанными телами охранников, с которыми Алла нередко развлекалась в небольшой баньке, стоящей в углу двора, тело Гиббона выглядело более чем жалким.

Однако любой из охранников, да что там — любой владивостокский бандит, с радостью отдал бы свои бронзовые бицепсы за увядшую кожу Гиббона. И вот почему.

Тело Гиббона было с головы до ног покрыто татуировками. Каждый срок, или на воровском жаргоне — ходка, добавлял ему новые «знаки отличия». По татуировкам можно было прочесть всю биографию Гиббона, а она у него была обширная и непростая.

Вот на его руке полустершаяся сакраментальная фраза «Не забуду мать родную». Это сразу после войны семнадцатилетний Ося Трунов попался на краже огурцов с колхозного огорода. Времена тогда были строгие, и он загремел аж на пять лет в Карлаг. Сильно скучал он по дому, по матери в свою первую ходку. Оттого и увековечил эту тоску на правой руке. Повыше, на предплечье, крупными буквами было написано «ГИББОН». Эту кличку он получил за свои чуть ли не до колен свисающие руки, врожденную сутулость и низкий массивный лоб. Среди всевозможных русалок, распятий и кинжалов, обвитых змеями, выделялась аббревиатура БАМ (Байкало-Амурская магистраль), которой Гиббон очень гордился — выжить на «ударной стройке» мало кому удавалось. Даже на ступнях имелась надпись «Жена вымой — теща вытри», что, впрочем, носило чисто декларативный характер — ни жены, ни тем более тещи у Гиббона никогда не было. Каждая ходка была отмечена особым знаком. А так как в зоне он провел чуть ли не полжизни, его кожа была сплошь покрыта надписями и рисунками. На спине у него был изображен большой многоглавый собор, каждая маковка которого обозначала ходку.

Но самое главное, предмет его гордости и зависти для других, находилось на груди. Большой двуглавый орел с распростертыми крыльями красовался на ней. Это был знак высшего воровского отличия. Он обозначал вора в законе.

Гиббону немало пришлось потрудиться, прежде чем он получил право сделать эту татуировку. Практически вся его жизнь ушла на это. И теперь он с полным правом мог сказать, что она прожита не зря.

Но... Время не щадит никого. И несмотря ни на что — ни на деньги, ни на авторитет среди приморских мафиози, ни на большие дела, которые он по-прежнему проворачивает, пришла старость. В настоящий момент Гиббон кряхтел под сильными руками пышнотелой Аллы и никак не мог решить, кто из них в лучшем положении — она, простая кухарка, или он, шестидесятивосьмилетний вор в законе, у которого общение с женщинами ограничено в лучшем случае невинными ласками.

— Ну как вам, полегче? — Алла уже массировала спину Гиббона.

— Прошло... Эх, Алка, был бы я помоложе хотя б годков на пятнадцать, я бы ух... Повесились бы мы с тобой.

Массажистка кокетливо повела плечами.

— Да вы же совсем не старый, Осип Петрович.

— А вот врать нехорошо. Скажи лучше: пока меня не было, никто не приходил?

— Да вроде был кто-то... — подумав, сказала она. — Крутился тут возле дома один, пока вы в город ездили.

— Кто такой?

— А шут его знает. Низенький такой, плюгавый. Хотел вас подождать, да ребята его быстро спровадили.

Гиббон подумал и через минуту спросил:

— Не китаец часом?

— Не-а. Русский.

— Ладно, Алка. Иди спать. Мне уже полегчало...

После ухода массажистки Гиббон скоро уснул. И конечно же сразу забыл о дневном посетителе — мало ли кому во Владике он понадобился...

Незнакомец напомнил о себе на следующий день совершенно неожиданным образом. После обеда Гиббон, как обычно, отдыхал в своей гостиной, попивая из высокого стакана сильно разведенную тоником водку. Он бы, конечно, с большим удовольствием употребил ее в неразбавленном виде, но врачи строго-настрого запретили пить — сказывалась испорченная за многие годы отсидки печень.

Гиббон лежал на низком диванчике и размышлял о своих дальнейших планах:

«С вьетнамцами пора кончать... Полгода уже не платят. Вот народ — чуть слабинку дашь, сразу на голову садятся. Только вот чем взять — тачками, которыми их склады забиты, или капусту вытряхивать? Тачки потом заморочишься продавать. Везти в Москву разве? Привезешь золотыми. Нет... Придется капусту выколачивать. Тоже муторно. Много их сейчас развелось, да и повоевать любят. Мы-то, конечно, этих узкоглазых уроем, да времени много уйдет. Как бишь их шефа зовут? Кадык, что ли?»

В дверь постучали.

— Кто там? — недовольно крикнул Гиббон. Он не любил, когда ему мешали отдыхать. Вошел охранник.

— А, Федюня... Ты не помнишь, как этого вьетнамского шефа звать?

— Ван Дык, — сказал тот и явно хотел что-то добавить, но Гиббон продолжал:

— Вот-вот. Ты позвони ему, скажи, Гиббон видеть желает.

— Хорошо, Осип Петрович. Тут к вам какой-то штемп просится, говорит: по важному делу.

— У всех ко мне важные дела... Скажи, что занят я.

— Он просил вам конверт передать.

— Хм... Ну давай сюда.

Охранник передал ему обычный почтовый конверт без адреса и каких-либо надписей. Однако судя по всему, в нем содержалось что-то объемистое. Гиббон покрутил конверт в руках, недоверчиво почесал в затылке и протянул его обратно.

— Ну-ка вскрой.

Охранник надорвал конверт сбоку и вынул оттуда пачку долларов.

— Ты гляди-ка, неужто Поляк мне собственноручно баксы присылает. Сколько там?

Охранник посмотрел на аккуратную банковскую упаковку:

— Пять тысяч.

— Щедро... — насмешливо присвистнул Гиббон. — А ну-ка давай сюда этого фраера. Больше там ничего нет?

Пошарив в конверте, охранник достал маленькую записку. Развернув ее, Гиббон прочитал в ней одно-единственное крупно написанное слово — «ВЕРТОЛЕТ».

«Не понятно, — думал Гиббон, пока охранник ходил за таинственным посланцем. — Если Поляк, то за что?...»

Когда в гостиную снова вошли, Гиббон уже сидел в глубоком кожаном кресле перед низким столиком.

— Ну заходи, заходи. Гостем будешь, — сказал он, делая приглашающий жест рукой.

Незнакомец оказался вертлявым человечком небольшого роста, довольно бедно одетым. Гиббон сразу определил, что это тот самый вчерашний гость, о котором говорила Нюра.

«А пиджачишко-то у него инженерский, — заметил про себя Гиббон. — Это что-то на Поляка не похоже».

Незнакомец, однако, несмотря на свой затрапезный вид, держался очень уверенно. Развалился в кресле напротив хозяина дома и, положив ногу на ногу, с улыбкой произнес:

— Ну здравствуй, Гиббон.

Называть его по кличке могли лишь равные в воровской иерархии. Однако что-то подсказывало Гиббону, что гость имеет на это право.

— С чем пожаловал?

Вместо ответа незнакомец показал глазами на стоящего в дверях охранника:

— Отошли-ка своего молодца. Потолковать надо.

Гиббон сделал знак Федюне, и тот вышел. Проводив его долгим взглядом, гость наконец повернулся в Гиббону:

— Привет от общего знакомого.

«Это не от Поляка, — нервно передернулся старик. — Это совсем с другой стороны...»

— Что-то бедноват приветик, — Гиббон кивнул на валяющуюся на столе пачку денег.

— Как говорится, чем богаты.

Гиббон улыбнулся и отхлебнул из своего стакана:

— Видно, дела совсем плохи, раз он через всю страну гонца с пятью косыми посылает. Может, тебе билет оплатить?

Глаза незнакомца сузились. Было видно, что он едва сдерживает раздражение.

— Слушай, Гиббон, скажи и на том спасибо. После того что произошло...

— После того что произошло, — перебил его Гиббон, — я потерял гораздо больше. И твоему хозяину прекрасно об этом известно. Я потерял груз «рыжухи», ты знаешь? Там не на пять кусков. Почему он сам не позвонил?

— Ага, чтобы завтра о наших делах вся прокуратура знала?

Гиббон презрительно фыркнул:

— Да у меня тут все на крючке.

Теперь настала очередь улыбнуться гостю:

— Я не здешних шавок имею в виду. Дело о пропаже вертолета Москва занимается.

Гиббон не нашелся что ответить, и гость продолжал:

— Тебе ведь не хочется неприятностей на старости лет? А если не хочется, то советую подчистить концы и не высовываться. А то всякое может случиться...

Последние его слова прозвучали почти угрожающе, и Гиббон разозлился:

— Да кто ты такой? Сейчас вон ребятам свистну, они тебя мигом в порошок сотрут. Незнакомец вздохнул.

— Недаром говорят: годы ума не прибавляют. Я так думаю, с моим хозяином тебе ссориться не резон. Он тебя как комара раздавит. А если не он, так другие.

— Кто это — «другие»?

— А ты думал, мало народу на рыжие дела косится? Пойми, Гиббон, идет большая разборка. И ты в ней — человек маленький. Так что бери что дают, и еще раз советую — подчисть концы.

Когда незнакомец ушел, Гиббон некоторое время сидел неподвижно, затем взял со стола пачку долларов, подошел к большому книжному шкафу, стоящему в углу, и без видимого усилия отодвинул его от стены. За ним оказалась стальная дверь сейфа. Достав из кармана ключ с двумя замысловатыми бороздками, Гиббон открыл сейф и положил деньги на верхнюю полочку. Точно таких же пачек, а то и потолще, там хранилось очень много. Но главное — почти все свободное место в сейфе занимали штабеля из небольших желтых прямоугольных слитков с выбитыми на боках надписями «Au 999,9».

Гиббон взял один из них в руки. Несмотря на то, что слиток был чуть больше спичечного коробка, он был довольно тяжел.

— Маленький человечек, говоришь? — задумчиво произнес Гиббон, взвешивая слиток в руке. — Маленький, да удаленький!

Свободный поиск

В Таллин Рейн решил отправиться самолетом. «Так надежнее», — решил он. После такой неожиданной и страшной гибели Инги и мамы сама мысль о пароме вызывала у него панический страх.

Последние дни прошли как в тумане. Сначала было долгое и томительное ожидание возвращения спасательных отрядов. Трое суток они осматривали место крушения парома, вылавливая плавающие на поверхности воды предметы. Родственникам пассажиров, которые, несмотря на настоятельные просьбы администрации, не желали покидать здание порта, изредка сообщали, что найдены еще несколько тел погибших. Было уже очень холодно, и шансов на то, что кто-то из пассажиров «Ренаты» окажется жив, практически не оставалось. Однако у Рейна, как, впрочем, и у других родственников, теплилась какая-то сумасшедшая надежда. Вся эта история казалась чьей-то ужасной шуткой.

Все закончилось после того, как Рейна пригласили в морг опознать трупы. Если бы то, что осталось от его родных, пропало, утонуло, затерялось в серой глубине холодного Балтийского моря, Рейну, возможно, было бы легче. Но они лежали здесь, перед ним, на темном цинковом столе, чужие, холодные, и это не оставляло больше никаких надежд.

Рейн как-то сразу ощутил свою потерю. У него не было слез, истерик, как у некоторых, тех, что никак не могли поверить в случившееся. Еще со времен учебы в мединституте он привык к виду трупов. Тогда же он твердо усвоил, что смерть надо воспринимать как данность, как факт. Рейн вообще был от природы сдержанным человеком. Но постепенно в его голове зрела и принимала совершенно четкие очертания мысль, что именно он, Рейн Мяяхе, должен разобраться в этой истории.

В то, что гибель парома «Рената» была вызвана случайностью — столкновением, разгерметизацией, плохой погодой, — не верил уже почти никто, и Рейн в том числе. Судно затонуло в течение двух с половиной минут, это был почти мировой рекорд. Вахтенный даже не успел послать сигнал SOS. Кроме того, спасатели находили не только мелкие незакрепленные вещи, всплывшие на поверхность, но и обломки шлюпок, мачт и даже несколько изуродованных тел, смерть которых была вызвана явно какими-то механическими повреждениями. Слово «взрыв» несколько раз промелькнуло в выступлениях экспертов, шведских и эстонских, и уж конечно не сходило с уст родственников.

«Если на пароме действительно произошел взрыв, — размышлял Рейн, — то это не иначе как мафиозные разборки. Может быть, среди пассажиров был кто-то, кого они хотели убрать? И из-за этого затопили паром с девятьюстами пассажирами? Вряд ли. Чтобы убрать человека, незачем выбирать такой сложный и громоздкий путь. Гораздо проще нанять киллера, который подстережет его где-нибудь в подъезде. Может быть, дело в грузе? В последнее время в газетах часто писали, что через таллинскую морскую таможню проходит огромное количество контрабанды из России и даже из Азии. Это больше похоже на правду».

Рейн твердо решил ехать в Таллин. Только там можно было найти хоть какие-то концы в этой странной истории.

Самолет поднялся в воздух, и через несколько минут внизу промелькнула тонкая кромка песчаных пляжей, уступив место серой поверхности моря. Штормило. Кажущиеся сверху неподвижными волны то и дело вспенивались белыми барашками. Вскоре самолет набрал высоту и море скрылось под густым слоем тяжелых облаков.

«Итак, если предположить, что на пароме действительно произошел взрыв, то прежде всего надо выяснить, каким образом взрывчатка попала на борт. Ведь даже если бандитам удастся подкупить таможенников, на пароме есть своя служба секьюрити. Надо обмануть ее бдительность и пронести бомбу. А это довольно сложно. Внутренняя служба безопасности

всегда была очень придирчива, гораздо придирчивее таможни. Стоп! А что, если они подложили взрывное устройство в грузовой отсек? Например, в автомобиль? Найти там бомбу очень трудно. Но проехать в грузовой отсек может только тот, у кого есть билет. Значит, он оставил машину внутри, а сам каким-то образом сошел на берег. А если он действительно купил билет, то убийцу надо искать среди тех, кто опоздал или по каким-то причинам не поехал в Швецию. Только где бы получить такую информацию?...

Таллинский аэропорт встретил Рейна мелким, занудным дождем. Так как у него не было никакого багажа, кроме спортивной сумки, таможеню он прошел быстро.

— Добро пожаловать в свободную Эстонию, господин Мяхе, — торжественно произнес белобрысый верзила таможенник, и Рейн оказался на родной земле.

Впрочем, «родной» Эстонию Рейн мог теперь назвать лишь с некоторой натяжкой. После свадьбы с Ингой, сразу же, когда это позволили шведские законы, он принял гражданство. И теперь ему было несколько странно, что для того, чтобы, например, устроиться на работу, он должен был получать специальное разрешение властей. Хорошо хоть их старая квартира осталась. После гибели мамы она должна была отойти ему. Рейну вдруг пришло в голову, что у него нет ключей от квартиры. Мамаины сейчас покоились на дне Балтийского моря, а запасные были внутри дома. Конечно, ему не хотелось выламывать дверь. Поэтому Рейн отправился в гостиницу «Виру», где когда-то познакомился с Ингой.

«Информация о том, кто купил билеты, но не отплыл паромом в Стокгольм, может быть у диспетчера морского вокзала. Только вот как ее получить? Это будет трудная задача. Ясно одно — это надо сделать как можно быстрее, пока то же самое не сделали следователи, ведущие это дело. И тогда все пропало. Дело будет тянуться год, а то и больше, и потом они разведут руками и скажут что-нибудь вроде: „за недостаточностью улик дело прекращено“. Нет, я так не согласен. Я пойду по горячим следам и найду убийцу».

Номер в «Виру» оказался точь-в-точь таким же, какой был у Инги тогда, десять лет назад. Такое же огромное окно во всю стену, из которого открывался прекрасный вид на Таллин, такой же обитый красным плюшем диванчик. Раньше сюда селили только иностранцев, поэтому еще тогда здесь был крошечный барчик в углу и цветной телевизор «Юность». Если бы то время можно было вернуть...

С Ингой они познакомились совершенно случайно. И абсолютно классическим образом. Рейн спешил в институт, а она спросила у него, как пройти к Вана Тоомасу. Ему было по пути, и они разговорились...

В институт Рейн так и не попал. До позднего вечера он показывал Инге старый Таллин, они гуляли по узеньким, мощеным улочкам, заходили в небольшие кафе в подвальчиках. А потом Инга пригласила его к себе в гостиницу. Так как она была гражданкой Швеции, Рейна в «Виру» пустили без проблем. Ну почти без проблем. Подумаешь, червонец в карман горничной, чтобы не поднимала шум ровно в двадцать три ноль-ноль. В общем, оставшиеся два дня до конца турпоездки Инги они не расставались. И большую часть времени провели в ее гостиничном номере.

Когда Рейн умылся и переоделся, часы уже показывали половину шестого. До порта было недалеко, но он все-таки взял такси.

В здании таллинского морского вокзала царила та же тревожная суеда, что и в Стокгольме. Родственники погибших или пропавших без вести так же рыдали на скамейках в зале ожидания, напряженно вглядывались в морскую даль, надеясь первыми увидеть возвращающиеся катера спасателей, некоторые пытались штурмовать дверь кабинета начальника вокзала, пытаясь узнать последние новости. Кое-кто просто молча сидел, убитый неожиданно свалившимся горем... Порядка здесь было, конечно, меньше, чем в Швеции. Люди были предоставлены сами себе, часами сидели в ожидании какой-то информации. Власти даже не позаботились организовать для них нормальное питание.

Неожиданно для самого себя в этой суматохе Рейн быстро и почти без хлопот получил нужные сведения. Статус «родственника погибшего» оказался полезным. Зачуханный начальник вокзала даже толком не спросил, для чего Рейну список.

В компьютерной распечатке оказалось всего пять фамилий. Оставалось только узнать их адреса и попытаться тихо и незаметно выяснить как можно больше об этих людях.

Кто-то из них должен быть убийцей — в этом Рейн почти не сомневался.

Всю ночь Рейн ворочался с боку на бок. Роль сыщика была для него в новинку. Он попытался вызвать из памяти методы, которыми пользовались детективы в романах Агаты Кристи или Жоржа Сименона, но все они были какие-то неподходящие. Он не мог себе представить, что, например, следит за подъездом дома, прикрывшись газетой, или, вооружившись лупой, ищет следы на подоконнике. В конце концов Рейн решил прибегнуть к методам своей профессии и перво-наперво «поставить диагноз». Видимо, это было то же самое, что на языке сыщиков называлось «сбором улик».

Первыми в списке, полученном в диспетчерской порта, стояла супружеская чета — Томас и Хильда Свенсен, судя по фамилии — шведы. Позвонив по телефону, стоящему напротив их имен, Рейн попал на коммутатор гостиницы «Виру», той самой, в которой сам находился. Регистраторша равнодушным голосом сообщила ему, что шведы отправились в Стокгольм следующим паромом, принадлежавшим той же фирме, что и «Рената». Судя по всему, они просто опоздали на рейс, что и спасло их жизнь.

«Если бы Инга и мама задержались, застряли в лифте или еще что-нибудь, — с горечью подумал Рейн, — ничего бы не случилось...»

Дальше шел некий Эмиль Рюйдэ, сорока пяти лет, коммерсант.

Набрав номер, Рейн услышал в трубке женский голос.

«Жена, наверное», — решил Рейн.

Каково же было его удивление, когда она сообщила, что муж в назначенное время отплыл в Швецию!

— А вы в этом уверены? — осторожно спросил Рейн.

— Конечно. Он мне вчера оттуда звонил.

— Эмиль мне срочно нужен. Не могли бы вы дать его стокгольмский телефон?

— Я его не знаю. Позвоните на фирму, может, там знают. А вообще, он должен после завтра вернуться тем же паромом.

— «Ренатой»? — переспросил ошеломленный Рейн.

— Ну конечно. Эмиль всегда им пользуется...

«Ну дела!» — подумал Рейн, почесывая в затылке. Похоже, она даже не знает, что паром четыре дня назад затонул. А тем не менее муж жив-здоров. Значит, он сказал жене, что отправился в Швецию, а сам или уехал куда-то в другое место, или (что было бы более желательно), остался в Таллине. Тут что-то не так. Тем более что человек, занимающийся коммерцией, вполне мог везти с собой какие-то грузы, а значит, и проникнуть в грузовой отсек «Ренаты».

Однако еще больший сюрприз ждал Рейна, когда он дозвонился в фирму, где работал Рюйдэ. Секретарша, подробно выпросив, кто он такой и зачем ему нужен ее шеф (не мудрствуя лукаво, Рейн представился сотрудником фирмы «Прибалтика», которой принадлежал паром), неожиданно попросила оставить свой телефон, сказав, что Рюйдэ перезвонит. Ни о каком Стокгольме она не знала. Рейн терялся в догадках и все больше подозревал, что именно Рюйдэ и есть тот, кого он ищет.

Минут через десять в номере зазвонил телефон.

— Господин Рюйдэ готов принять вас в час дня. Запишите адрес...

Значит, он все-таки в Таллине. У Рейна засосало под ложечкой. Неужели он нашел убийцу?

Офис Рюйдэ находился в самом центре города, в недавно выстроенном административном небоскребе. Скоростной лифт в несколько секунд поднял Рейна на двадцать шестой этаж, и вскоре он уже стоял перед дверью, на которой значилось: «Рюйдэ и К°. Экспорт-импорт».

До этого момента Рейн как-то не задумывался над тем, что он будет делать, когда найдет виновника катастрофы «Ренаты». Застрелит прямо в кабинете? Укокошит где-нибудь в подъезде? Обличит перед общественностью? Все эти варианты не годились. По-видимому, самым разумным было потом заявить в полицию. Но в этом случае Рейн совершенно не был уверен, что преступник понесет заслуженное наказание. Тем более, судя по офису, Рюйдэ был достаточно богатым человеком, а значит, в случае чего, у него нашлось бы достаточно средств, чтобы откупиться.

Размышления Рейна прервала секретарша, которая открыла дверь в офис.

— Вы к кому? — строго спросила она.

— К Рюйдэ, мне назначено, — не очень уверенно ответил Рейн.

— Проходите, он вас ждет.

Рюйдэ оказался совсем не таким, каким его представлял Рейн. За большим письменным столом восседал маленький лысоватый толстячок с близко посаженными поросычыми глазками. Рейн почему-то сразу окрестил его про себя «хомяком». Может быть, из-за щек, которые почти лежали на плечах своего хозяина.

— Чем могу служить, господин Мяхе? — сухо спросил Хомяк, жестом указывая на стул для посетителей.

Рейн толком не знал, о чем его спрашивать, ведь одно неосторожное слово могло испортить все дело. Для начала он решил произвести разведку.

— Я менеджер компании «Прибалтика», которой принадлежат паромы, совершающие рейсы в Стокгольм, — начал он.

— Да, я знаю, — нетерпеливо перебил его Рюйдэ.

— Ваша фамилия значится в списках пассажиров парома «Рената» на шестое сентября. — Рейн заметил, что при упоминании парома Хомяк занервничал — застучал по столу своими толстенькими пальцами и отвел глаза в сторону.

«Кажется, тепло, — подумал Рейн. — Неужели сразу повезло?»

— Да, — повторил Рюйдэ, — я брал билет на этот рейс.

Рейну показалось, что он сказал это как-то неуверенно.

— Но вас, к счастью, не оказалось на борту «Ренаты» в ту ночь.

Рюйдэ только грустно улыбнулся.

— Обстоятельства изменились, знаете ли.

— Так как вы наш постоянный клиент, «Прибалтика» могла бы предоставить вам место на другом пароме.

— Нет, спасибо.

— Хорошо, тогда мы можем возместить стоимость билета. Кстати, он у вас сохранился?

Рюйдэ занервничал еще больше.

— Я в этом не нуждаюсь.

— Хорошо, — Рейн решил прощупать почву в другом месте. — Вполне достаточно регистрации в компьютере. Мы вышлем деньги за неиспользованный билет вам на дом. Продиктуйте, пожалуйста, адрес.

— Я прошу вас этого не делать.

Рейн сделал вид, что очень удивлен.

— Почему же?

Зрачки Рюйдэ сузились.

— Я не обязан давать отчет в своих действиях. Считайте, что я использовал билет.

— Это невозможно, господин Рюйдэ. У нас очень строгая отчетность...

Рюйдэ полез в карман, вынул бумажник и достал оттуда стодолларовую бумажку.

— Вот, — сказал он, протягивая ее Рейну. — Это чтобы ваша отчетность не пострадала.

Теперь Рейн почти не сомневался, что Рюйдэ что-то скрывает. Он решил пойти в наступление.

— Послушайте, Рюйдэ, утром я звонил вашей жене. Она уверена, что вы в Стокгольме. Она даже не знает, что паром со всеми пассажирами затонул. А вы здесь, целы и невредимы. Наша фирма проводит альтернативное расследование причин гибели парома. И если вы сейчас же не объясните причину, по которой вы не отплыли в Стокгольм и скрываете от жены ваше местонахождение, мы будем вынуждены подозревать вас в причастности к этой аварии.

Конечно, было просто наивно думать, что если Рюйдэ действительно замешан в крушении парома, он так сразу признался бы. Но у Рейна не было другого выхода, и, как ни странно, это сработало.

Рюйдэ выскочил из-за стола и забегал по комнате. Потом снова сел и обхватил голову руками.

— Ну хорошо, хорошо, — наконец сказал он. — Я вам все скажу. Но у меня есть одно условие. Моя жена не должна ни о чем знать.

— Хорошо.

— Скажите, господин Мяхе, вы видели мою секретаршу? Если видели, то вы меня, как мужчина, поймете. Просто-напросто я хотел провести с ней недельку вдвоем. А билет на ваш паром мне нужен только для отмазки. Кто же знал, что он ни с того ни с сего потонет? Хорошо еще, жена по телевизору только сериалы смотрит...

Когда Рейн выходил из офиса, он рассмотрел секретаршу Рюйдэ повнимательнее. Она действительно была шикарна — копна светлых волос, огромные голубые глаза, ноги от ушей...

«Ведение»

Что-то заставляло их бежать, хотя крики больше не повторялись.

Во дворе дома стоял деревянный стол в окружении шести пней одинаковой высоты. Огромная собака непонятной породы буквально надрывалась на цепи.

Массивную дубовую дверь вышибать им, слава Богу, не пришлось. На настойчивый стук в калитку наконец отреагировали, и она распахнулась. На пороге стоял крепкий молодой парень с волосатой грудью. Заметно было, что он только проснулся. Взгляд его заспанных глаз спокойно выдержал лихорадочный натиск Трофимова. Лоб пересекал небольшой шрам, похожий на след от аппендицита.

«Какой, к черту, может быть аппендицит на лбу, — подумал Турецкий, — ты совсем уже рехнулся. Это все жара виновата».

— В чем дело? — спросил парень, застегивая на «молнию» мастерку «Рибок». Он говорил с неопределенно-южным акцентом.

— Это мы хотели узнать, — нервно отреагировал Трофимов и сунул руку в карман. — Что это за крики? — Он продемонстрировал свое удостоверение.

— Какие крики? Мы люди спокойные, голоса не повышаем. Пожалуйста, — парень посторонился, пропуская сыщиков в дом.

«Дом этот стоило бы посмотреть в любом случае, — подумал про себя Турецкий. — Давненько не приходилось бывать в таких хоромах. Очевидно, камин тут топят красным деревом».

— В прежние времена, — вздохнул Трофимов, — была замечательная статья о нетрудовых доходах. — Он попытался перейти в следующую комнату.

— Минуточку, минуточку, — парень встал у него на пути. — Я готов предложить вам порюмку коньяка, но не следует так злоупотреблять гостеприимством. Разве есть какие-нибудь санкции на обыск?

— А разве они кому-то нужны? — возразил Грязнов, не отказываясь, однако, от коньяка, бутылку которого парень успел достать из бара.

Когда бар открылся, в нем вспыхнули разноцветные огоньки и заиграла музыка — «туш», потом — марш Мендельсона. Когда закрылся — музыка пискнула и смолкла.

— Я хоть сейчас могу выписать постановление на арест, если потребуется, — предложил Турецкий и тоже показал свою корочку: — Генеральная прокуратура.

— Тогда не теряйте времени, — сказал хозяин. — Ни хрена не надо мне тут выписывать, а быстренько ищите чего нужно и проваливайте.

В какую-то минуту Турецкому показалось, что парень сейчас бросится на него.

— Кто здесь у тебя кричал? Где эта женщина?

Парень пожал плечами. Потом закинул в рот сразу три жвачки «Орбит». Естественно, без сахара.

— Показывай дом, — прикрикнул Трофимов. — Кто еще здесь есть?

— Мой старший брат.

— Как это трогательно, когда взрослые братья живут вместе! — умилился Трофимов, наступая на парня. — Что он делает, твой брательник?

— Смотрит видак.

— Где?

— Наверху, в южной комнате.

Трофимов посмотрел на Турецкого. Действительно, крики раздавались с южной стороны. Турецкий молчал, явно предоставляя действовать Трофимову.

— Почему он не спустился открыть?

— Послушайте, не надо наглеть, — возмутился парень, даже слегка притопнув ногой. — В конце концов, вы вторгаетесь в частную жизнь!

— Ах ты сопляк! — взревел Трофимов, хватая его за грудки. — Американского кино насмотрелся?! — Мастерка треснула. — Может, тебе еще зачитать твои права? А адвоката вызвать не желаешь?! Живо отвечай старшим: почему твой родственничек не спустился на стук?! — Неожиданно для свой комплекции майор встряхнул его с такой силой, что следующие слова вылетели из парня сами собой:

— Он глухой.

— Глухой? Ты что, издеваешься надо мной, щенок?!

— Глухой.

— И немой, — предположил Грязнов, зевая с риском проглотить «щенка» целиком.

— Нет, только глухой, — упорствовал парень.

— Проводи нас к нему, живо!

Грязнов остался на всякий случай внизу, а остальные поднялись в южную комнату.

Камин, кстати, находился именно в ней. Комната была буквально напичкана бытовой аппаратурой, причем не всегда понятного назначения. На широком продавленном диване валялся небритый человек, который с явным удовольствием смотрел по видео откровенную порнуху на огромном экране, вмонтированном в книжную стенку недалеко от камина. На экране три негра насиловали толстую белую женщину. Та истошно вопила.

Трофимов сплюнул с досады. Действительно, с улицы эти крики можно было принять за чистую монету.

Парень откровенно злорадствовал. А мужчина, лежащий на диване, даже не обернулся в сторону вошедших. Он ожесточенно скреб свою щетину и время от времени прокручивал назад особо понравившиеся места. Эти двое действительно были похожи друг на друга.

На стенах висели охотничьи трофеи. В том числе кабанья голова.

— Предъяви документы. Чем занимаетесь?

— Торгуем, конечно, — пожал плечами парень, протягивая паспорт. — Чем сейчас честные люди могут деньги зарабатывать? Торгуем всем, что под руку попадается.

— Или что плохо лежит? Оптом и в розницу? — рявкнул Трофимов.

— Ни Боже мой, — смиренно ответил парень.

Турецкий заглянул в паспорт. Фамилия, не говоря уже про все остальное, была похожа на болгарскую, — Киряков. Так, болгары строили Бургас. В Бургасе кладбище. Машины на дороге у кладбища... Турецкий автоматически запомнил несколько номеров.

Где-то зазвонил телефон.

И тут Турецкий краем глаза уловил, как совсем чуть-чуть, еле заметно вздрогнул мужчина на диване. Так, так, глухой?

Мягким, кошачьим движением парень извлек из кармана радиотелефон.

— Да-да, — сказал он в трубку. — Сегодня привезу, обязательно. Общий привет. Должок за мной, — объяснил он Трофимову, спрятав трубку обратно в карман. Приятель напоминает. Ну так что, будете наш гарем дальше осматривать?

— А то как же. И заткнись, твой номер пятнадцатый. — Трофимов уже побывал в двух других комнатах. После чего заглянул в погреб. — Так, а что на чердаке?

Парень замаялся. Тогда Трофимов, ни секунды не размышляя, живо полез наверх. Парень явно занервничал и сделал движение вслед.

— Муля, не нервируй меня, — попросил поднявшийся наверх Грязнов, придерживая его за руку. — Дядя сам, без тебя, все что надо найдет.

— Если бы дядя смог наконец объяснить, что он ищет, я бы с удовольствием помог.

Сверху раздался какой-то шум и проклятия.

— Твою мать! — Трофимов спустился с чердака. — В краску влез.

— Я же хотел предупредить, — ехидно объяснил парень.

В углу прихожей валялся большой мешок из рогожки. На нем лежал начатый рулончик скотча. Даже если здесь что-то действительно есть, подумал Турецкий, просто так, нахрапом не найдешь.

— Пошли, — резюмировал он, глядя на ноги парня: тот был в кроссовках, причем не на босу ногу. Кроссовки на паркете оставляли черные следы. Это со сна-то он успел их нацепить и уже куда-то ступить, не выходя из дома? В камин, что ли?

— Извиняться не будем, фраер, не рассчитывай, — буркнул Трофимов. — Еще подловлю тебя на чем-нибудь, загремишь как пить дать. А я подловлю, — с удовольствием пообещал он и коротко хохотнул. — Всенепременно подловлю.

— Кажется, Скотленд-ярд чем-то недоволен? Счастливого пути. — Парень с грохотом захлопнул за ними дверь.

— Пока что никуда не едем, — придержал Турецкий за куртку раздраженного Трофимова, зашагавшего было к машине. — Отгоните машину, чтобы не было видно. И посидим здесь, подождем, история еще не закончилась.

— В засаду, натурально, — одобрил, зевая, Грязнов.

Но сначала пришлось сделать ложный отъезд и припарковать джип подальше.

Засаду устроили в соседнем особняке, слегка напугав хозяев, пожилую супружескую пару, своими документами. Вернее, испугался только хозяин — невысокий мужчина с живым нервным лицом и седой шевелюрой. Его жена, энергичная дама в шортах, неодобрительно покачала головой и ушла готовить обед.

Дремлющий Грязнов вел наблюдение через занавеску кухонного окна.

В течение трех часов из краснокирпичной дачи никто не выходил. Трофимов с самого начала был изрядно раздражен и считал все это глупостью.

— Александр Борисович, может быть, вы все же объясните эту нашу безумную затею?

— Охотно. Вы видите, возле дачи стоит «БМВ»? Его номер я видел еще на похоронах Малахова. Этого достаточно? — усмехнулся Турецкий.

Трофимов поперхнулся.

— Черт возьми! Я всегда говорил, что тут, в нашем болоте, нужен свежий глаз. Сам черт ногу сломит. Будем ждать, конечно, какой разговор! Но я же могу вызвать людей.

— Я думаю, не стоит. Ведь не исключено, что я действительно ткнул пальцем в небо.

Хозяин их убежища на вопрос, что он знает о своих молодых соседях, ответить не смог. Он сказал, что редко бывает не только на своей даче, но и вообще в самом городе, в основном разъезжая по гастроллям.

Трофимов, что-то припоминая, пригляделся к нему повнимательней:

— Кажется, вы дирижировали в филармонии?

Хозяин демонстративно помахал руками, в которых были нож и вилка.

— А она — вторая скрипка оркестра, — он кивнул в сторону хлопотавшей жены. И, понизив голос, добавил: — Изумительная женщина с одним-единственным недостатком: даже во сне видит эти чертовы сериалы.

— Круз в таких случаях действует совсем не так, — неуважительно глядя на сыщиков, покачала головой вторая скрипка. — Вот когда они с Перлом последний раз устроили ловушку для Елены...

— Дорогая, это же серьезные люди, — взмолился дирижер. — Они не смотрят «Санта-Барбару» и тебя просто не поймут! А вы знаете, я ведь могу устроить вам наблюдательный пункт на воздухе. У нас тут имеется такая славненькая пристроечка... Пойдемте, прошу вас. — И он увел Грязнова.

Выход туда был из соседней комнаты, но маленькое кухонное окошко позволяло оставшимся видеть Грязнова, расположившегося в кресле-качалке. Пристроечка представляла

собой сплошь заросшую плющом и виноградом и почти открытую сверху деревянную беседку, одним боком прилепленную к дому.

— Слава, что там сейчас видно? — нетерпеливо спросил Турецкий, подходя к двери в соседнюю комнату и наблюдая оттуда за Грязновым.

— Они готовят шашлык в саду, — после паузы отозвался Грязнов. — Стоп! Появился новый персонаж. Этого раньше вроде бы не было. Похоже, мы таки не все помещения осмотрели.

Турецкий осторожно выглянул. Огромный, под два метра, парень переворачивал шампуры, раздувал угли, брызгал на мясо вином. Запах шашлыка стал настолько силен, что захотелось есть.

— А что это, Саня, вы про какое-то НЛО еще в машине языки чесали? — вспомнил Грязнов, широко зевая.

— НЛО! — засмеялся Трофимов. — Ну дает!

— НЛП, — объяснил Турецкий, — нейролингвистическое программирование... Ты продолжаешь там приглядывать? Это такой метод лечения. Он занимается не причиной болезни, а моделью поведения больного. Это такая своеобразная терапия, причем нефрейдистскими методами. Фрейд и Фромм сейчас на Западе, между прочим, вовсе не так уж популярны, как мы привыкли считать. Американец Ричард Бэндлер так лихо лечил своих больных пациентов, что этим заинтересовалось ФБР. Нетрудно догадаться почему, ведь получается, что этим методом в идеально смоделированной ситуации можно выудить из человека практически все. В свое время мне подфартило: помнишь, три года назад я летал в Америку? Был в Лос-Анджелесе, а там попал в его школу. Свое НЛП Бэндлер проводил в три этапа: через «синхронизацию» к «ведению»...

— Введению?!

— Не к «введению», балда, а «ведению» и «якорению».

— Ну-ка, ну-ка...

— Что такое «синхронизация»? Синхронизация врача с больным, разве не понятно? Ну, скажем, ты чихаешь, и я тут же чихаю. По крайней мере, на словах это вполне просто. А вот реально — довольно сложный процесс, когда доктор полностью подстраивается под все внешние аспекты ощущений больного. Должен сказать, что это требует виртуозной техники, потому что Бэндлер лечил конечно же не насморк. Однажды, абсолютно имитируя поведение больного, он в течение пяти часов молчал вместе со своим пациентом.

— Эка невидаль!..

— Да, для нас это было именно так. Представь себе, что когда на исходе последнего часа Бэндлер, не говоря ни слова, вдруг резко изменил свое дыхание, больной изменил его тоже! Внешне это произошло совершенно спонтанно, но на самом деле — тщательно подготовленный, возник чувственный контакт. Более точно это называется «рапорт»...

— Довольно остроумно.

— Рапорт — это вроде бы армейское понятие, правильно? Оно говорит о присутствии некоторой субординации, подчинения, то есть ситуации, когда кто-то кому-то что-то докладывает. Заметь, докладывает исключительно по своей воле, но в то же время и потому, что так положено. И тогда развивается второй этап — «ведение»... Как там у тебя, все чисто?

— Чисто, чисто... То есть, значит, больной с врачом или там пойманный шпион со следователем по-товарищески делятся своими проблемами? — ехидно осведомился Грязнов.

— Не обязательно. Здесь дело не только в каких-то конкретных словах. А именно в чувственном контакте. И наконец наступает третий этап — «якорение». Собственно, может быть, это даже не отдельный этап, потому что точное его начало проследить невозможно. «Якорение» — это часть «ведения». Когда врач, «войдя в доверие», становится мнимым больным,

он пытается вывести настоящего больного в здоровое состояние с помощью очень сильного чувственного, словесного или визуального образа...

— Все это какая-то галиматья, я уже натурально ничего не понимаю, — Грязнов в очередной раз сильно зевнул, показывая ровные белые зубы.

— А это одновременно самый сложный и самый простой момент. «Якорение» в том и заключается, что этот яркий образ вводится в сознание больного, то есть как бы якорится там, закрепляется через фиксированные промежутки времени.

— Ага, что-то вроде рефрена. И как должен выглядеть такой якорь?

— С рефреном тут сходство, пожалуй, только в повторении, — возразил Турецкий. — А у «якоря» слишком сильное физиологическое влияние. Как он может выглядеть? Это зависит от конкретного контекста задачи. Идет ли лечение, раскрутка ли шпиона, как ты говоришь, или что другое. Возможности для творчества здесь не ограничены. И, пожалуй, от качества и оригинальности «якоря» зависит общий успех. Владение «якорной» техникой — это владение волей клиента.

— Так что, получается психотропное оружие? — пробормотал Грязнов, откидывая голову на спинку качалки.

Трофимов скептически улыбался.

— Решай сам, что это такое, — сказал Турецкий. — Одно скажу, Слава, это не пистолет, у которого любой ребенок сможет нажать курок, и при этом всегда известно, что пуля неминуемо вылетит. Даже зная все правила игры, при НЛП требуется серьезная подготовка и большая практика. И все равно нет никакой гарантии успеха.

— Я, пожалуй, пойду его подменю, — нехотя предложил Трофимов.

Прогремела гроза.

В этот момент со стороны краснокирпичного дома раздался громкий собачий лай. Турецкий с Трофимовым, не сговариваясь, бросились к выходу.

День лесоруба

— Ну что, Осколков, а вот лично у вас есть какие-нибудь версии по поводу происшедшего?

Капитан милиции Журавлев пытался напустить на себя строгий вид — допрос свидетеля все-таки. Но это получалось плохо — Петю Осколкова он знал с малых лет, так как тридцать лет назад приехал в строящийся поселок Февральский по комсомольской путевке вместе с отцом Пети.

— Ну что вы, дядь Саша, какие могут быть предположения...

— Я тебе сколько раз говорил: при исполнении называть меня «товарищ капитан».

— Да уж товарищей-то давно нет. Господин капитан!

— Не важно. Все должно быть по форме, по уставу.

Журавлев нервничал: прибывшая из Москвы для расследования причин пропажи вертолета следственная бригада рьяно принялась за работу, и он боялся, что столичные сыщики начнут совать свои носы и в другие дела — нераскрытые, например, или прекращенные без соблюдения надлежащих процессуальных норм. А таких у него было предостаточно.

— Ну рассказывай, как дело было.

— А чего рассказывать? — Петя нервно теребил массивный замок «молнии» на своей летной куртке. — Не мог я в этот день полететь, ну и попросил Серого меня заменить...

— «Попросил»?! — грозно сверкнул глазами Журавлев. — Не вздумай об этом московским следователям болтать. Мигом упекут за нарушение правил полетов. А почему полететь-то не мог?

Петя застенчиво улыбнулся:

— Ну знамо дело почему. Раздавили с ребятами вечером по полбанки, какие уж с утра полеты.

Капитан вконец разозлился:

— Балбес ты, Петя. Ну кто же о таких вещах в милиции говорит? У тебя соображалка работает? Я же должен твои показания в протокол допроса занести. Что ты мне тут мелешь?

— Ну, дядь Саш, вы же записывать не станете. А то меня с работы уволить могут.

— Так я о чем тебе и толкую! — Журавлев понизил голос. — Не болтай лишнего. «Дядь Саш»! Здесь дядьев нету. Здесь правоохранительный орган!

Он достал из ящика стола чистый бланк.

— Значит, так и запишем: гражданин Осколков шестого сентября был нездоров. Поэтому в рейс на Златоустовск полетел Дегтярев. Небось тоже выпимши был.

Петя протестующе замахал руками:

— Да что вы, дядь Саш. Он спиртного в рот не брал, а тем более перед полетом.

Капитан продолжал корпеть над протоколом:

— Согласно показаниям Петра Осколкова, вертолет был в полном порядке... Да?

Петя вздохнул:

— Ну это если не считать того, что движок последний раз два года назад ремонтировали, шасси на ладан дышит, и в салоне отопление не работает.

Журавлев грозно сдвинул брови:

— Ты только гляди, об этом не распространяйся! А то Дмитрия Борисовича, твоего начальника, подведем. Он же не виноват, что фонды не отпускают. Пишу: вертолет был в полном порядке...

— А что там слышно, дядь Саш, никаких следов не нашли?

— Нет. Хоть бы обломок какой или «черный ящик».

Петя беспокойно заерзал на стуле.

— Я вам по секрету скажу. — Он наклонился к капитану и зашептал: — Мы этот «черный ящик» того...

— Чего — того, — насторожился Журавлев.

— Ну-у, в общем... отключили мы его.

Тот закрыл лицо руками:

— Зачем?!

— А эта бандура только место занимает. Я на его место магнитофон вставил. И потом, в хвостовой части еще один есть, правда, он не работает...

— Как тебе это удалось? Вертолет же без «черного ящика» не полетит?

— А я Гришу попросил, механика с трансформаторной. Он в этих делах сечет.

— Ты хоть понимаешь, что за это и посадить могут?!

— Дядь Саш, но вы ведь никому не скажете? А?

Журавлев покачал головой:

— Час от часу не легче. Ладно, пишем дальше. «...Был в полном порядке».

Петя разглядывал свои ногти. Были они, мягко говоря, не очень чистые.

— Серегу жалко. Мы ведь с ним вместе в летное поступали. И учились вместе. А тут вон какое дело. А может, он жив, как вы думаете?

— Куда ж он подевался? В Китай, что ли, слетать решил?

— А может, он раненый где-нибудь лежит?

— Не думаю. Хотя... Уж, поди, три дня ищут.

Петя задумался. В кабинете участкового инспектора начальника милиции поселка Февральский раздавалось лишь пыхтение капитана Журавлева, сочиняющего протокол.

— Нет, — наконец проговорил Петя, — не мог наш «Миша» просто так взять и в тайгу свалиться. Я на нем уже почти пять годков летаю. Ну да, мелкие неисправности были. Но чтобы лететь отказывался — такого не было.

Журавлев продолжал строчить.

— А что он вез-то? Спецгруз с приисков, как обычно.

— Я вот тебе дам «спецгруз»! Это секретная информация!

— Да ладно вам, дядь Саша. Об этой «секретной информации» каждая собака в Февральском знает.

— Скажу тебе по секрету, — покосившись на дверь и прикрыв рот ладонью, прошептал Журавлев, — скорее всего, из-за этого груза вертолет и пропал.

— Ну, — отмахнулся Петя, — это и так всем ясно. А много там золота-то было?

— Килограмм сорок песку и полтора — в самородках.

Петя присвистнул:

— Порядочно... А кто грузы проверял?

— Фомин, Коля.

Выйдя из милиции, Петя сразу же отправился на грузовой терминал аэродрома. «Поспрашиваю-ка я у этого Фомина, мать его за ногу. Может, следок какой покажется».

Поселок Февральский можно было пройти из конца в конец максимум за полчаса. Это был типичный таежный городок, построенный в середине шестидесятых и с тех пор почти не изменившийся. Площадь, с серым кубом здания городской администрации, бывшего поссовета, да черная статуя вождя мирового пролетариата, указывающего путь в светлое будущее, были, пожалуй, единственными его достопримечательностями. Все остальные постройки представляли собой ветхие, давно отжившие свой век хрущевки барачного типа, в тесных комнатухах которых ютились неизвестно зачем свезенные сюда со всех концов Советского Союза люди, их дети и внуки. Петя был коренным февральчанином. Он здесь родился, ходил в школу, теперь водил вертолет по окрестным населенным пунктам — в большинстве почти не отли-

чавшимся от Февральского. Три года, проведенные им во Владивостоке, в летном училище, были единственным временем, когда он жил вне родного города.

По дороге Петя зашел в продмаг и приобрел бутылочку «Русской» — не с пустыми же руками идти.

Фомина он знал давно. Когда в начале девяностых Петя пришел работать на «Мишу» — так любовно пилоты называли вертолеты «Ми-8», — он уже был инспектором по полетам. Мужик он был свойский, выпить не дурак, так что в пропаже вертолета был вряд ли замешан. В его обязанности входило проверять грузы и следить за тем, чтобы на борту не было чего-нибудь легковоспламеняющегося и взрывоопасного.

Фомин, как обычно, сидел в своей каптерке и попивал чаек.

— А, Петюня, заходи, — ногой выдвинув табуретку из-под стола, сказал он. — Садись, сейчас чаю хлебнем.

— У меня кое-что получше есть.

Петя достал из брючного кармана бутылку и со стуком поставил ее на стол.

— О-о! — потирая руки, воскликнул Коля. — По какому случаю?

— День лесоруба. Отметить надо.

— Это точно.

Фомин достал из тумбочки два граненых стопарика, полбуханки хлеба, кусок колбасы и консерву — «Камбала в томатном соусе».

— Это ты хорошо придумал.

Настрогав колбасу и открыв банку с камбалой, Фомин разлил водку по стопкам:

— Ну, давай.

Будучи человеком таежным, Фомин ничуть не удивился неожиданному визиту Пети Осколкова, с которым его особые дружеские отношения не связывали. Пришел — значит, есть дело. Надо будет — сам расскажет, а не расскажет, тоже хорошо.

— Да-а, — сказал Петя после третьей, — Серегу пока не нашли. И главное, следов никаких.

— Значит, ты сейчас вроде как без работы?

— Да вроде как. Интересно, что с машиной могло произойти? Все было нормально. Движок в порядке. Голову даю на отсечение, что просто так вертолет отказать не мог.

Как обычно свойственно людям, приверженным к алкоголю, Фомин быстро опьянел. И теперь говорил мало, а по большей части молча смотрел на Петю затуманившимся взором.

— Я уж грешным делом думаю, а не свалил ли Серый с золотом?

Коля пожал плечами.

— Этого же на всю жизнь хватит. И еще внукам останется. А вертолет можно в озере каком-нибудь таежном затопить. Вовек не найдут. Как считаешь?

Фомин вздохнул и налил себе еще.

— Не думаю я, Петюня, что Серега на это способен. Он же был простой парень, трудяга. Кроме того, у него жена с дочкой остались. Неужели бы он их кинул? И потом, охранники...

Петя почесал в затылке:

— Тоже верно... Так что же, значит, он погиб?

— Видимо.

— Значит, это из-за золота. Кто-то специально испортил какую-нибудь деталь вертолета, ну, например, тот же стартер, он упал в тайгу, а они спокойненько забрали ящики с золотом и тью-тью.

Вместо ответа Фомин подлил в Петину стопку:

— Чего уж теперь говорить? Давай. За Серегу.

Выпили. С трудом поддев на вилку кусок колбасы, Фомин отправил ее в рот.

— Я тебе вот что скажу, Петя. Только смотри, об этом никому. Пока, во всяком случае.

Он неторопливо закурил «беломорину» и наклонился к Пете:

— Никакого золота на вертолете не было.

Осколков вмиг протрезвел.

— Как это?...

Фомин откинулся на стуле, любуясь произведенным эффектом.

— Я тебе говорю. Думаешь, я пьяный?

— Ага, — кивнул Петя.

Фомин помолчал, тяжело дыша и разглядывая пустую бутылку.

— Тогда иди за водкой.

— А может, хватит, Коля? День лесоруба мы уже отметили...

— Хорошо. Ну скажи, ты мне веришь? Не было там никакого золота. И никто об этом не знает, кроме меня. А если узнают — тоже не поверят. Да я и сам сначала не поверил.

Скорее всего, это был бред пьяницы. Но Фомин говорил об этом с такой убежденностью, что Петя на всякий случай попытался его расспросить. Но Фомин уже нес всякую околесицу:

— Не было там золота. Глупости это все. «Лю-удей так мно-ого на земле и ра-азных су-удеб. На-адежду дарит на за-а-аре паромщик лю-удям...»

Вдруг он уронил голову на стол и заплакал.

— Все этот грузин. Все он...

Петя прислушался.

— Эй, Коляныч, что за грузин?

Он попытался растолкать Фомина, но тот уже был в совершенно бессознательном состоянии. Последняя фраза, которую он выдал, перед тем как уснуть мертвым сном, была:

— Контейнер. Железный контейнер.

Оказалось потом, что это были, может быть, последние слова в его жизни.

На следующее утро Петя узнал, что Фомина нашли повесившимся прямо в каптерке.

Человек из «немерседеса»

Он захлопнул дверцу, включил сигнализацию и поднялся в офис.

У него никогда не было личных водителей. Сколько Поляков себя помнил, всегда и везде все делал сам. А уж пускать кого-то за руль новенького шестисотого «мерседеса» — нет уж, увольте. «Мерседес», это, знаете ли, вещь в себе.

Впрочем, машины всегда были его слабостью. Первым автомобилем выпускника МАИ оказался старенький «Москвич». Потом были другие отечественные модели, классом повыше. В конце семидесятых он купил свой первый «форд». Тогда, конечно, это было невероятно круто, учитывая, что на всю Москву насчитывалось три «мерседеса»: у сына министра МВД Щелокова, Владимира Высоцкого и Арчила Гомиашвили — первого Остапа Бендера. Это был неплохой уровень для разбега.

Теперь, почти двадцать лет спустя, все машины делились для Полякова на «мерседес» и «немерседес». Он был просто фанатом этой марки, а пять лет назад даже умудрился вступить в Мюнхене в клуб «Мерседес-Бенц», куда принимают исключительно немцев. Члены клуба имеют кучу всяких льгот, реализуемых, в основном, в Германии, в том числе — до восьмидесяти процентов при покупке машины. Старинный приятель — однокурсник по МАИ, узнав об этом, долго и на полном серьезе подбивал делать бизнес: «там покупаем — здесь продаем». Но очень быстро выяснилось, что на тогдашней советской таможне необходимо было заплатить пошлину больше стоимости «мерседеса».

А вот, кстати сказать, рядом на стоянке стоит «немерседес» — бордовый «сааб», тоже неплохо, но все же. О «мерсах» Поляков готов был рассуждать и спорить часами. Его знакомые в разговоре просто обязаны были заинтересованно общаться на близкую Вячеславу Георгиевичу тему. «Ты знаешь, старик, в чем „56 °СЕЛ“ девяностого года даст форы „42 °С“ девяносто третьего?» Но если собеседник, не дай Бог, вообще путал «мерседес», скажем, с «мессершмиттом», — все, ни о каких приятельских отношениях не могло быть и речи.

В своем маленьком кабинете, не слишком-то подходящем главе крупной акционерной компании, Вячеслав Георгиевич блаженно сел в кожаное кресло.

Плевать, плевать. Все равно впервые за последние дни он был в хорошем расположении духа. Слава Аллаху, все более-менее утрясается. Паром, конечно, не вернешь, но страховка все же будет приличная. Что бы придумать себе такого-эдакого расслабляющего?

Поляков бросил косой взгляд в зеркало и увидел там подтянутого представительного мужчину сорока пяти лет с твердым взглядом и заметной сединой в густых волосах.

Все утро ему пришлось общаться с десятком наиболее настырных родственников. Закончилось это тем, что Поляков, плюнув в сердцах, взял часть оплаты их проблем на себя. Благо фонды, из которых он вытащил эти резервы, такими налогами обложены, что лучшего применения деньгам было и не найти. Погибших, конечно, не вернешь, но живым хоть как-то поможешь.

— Верно, Машенька? — улыбнулся Вячеслав Георгиевич своей секретарше. — Что у меня сегодня?

Маша, как всегда угадав настроение шефа, мило улыбнулась и подала ему полиэтиленовую папку с расписанием первоочередных дел и встреч.

Маше было двадцать девять. Стройными ногами да яркой внешностью ее достоинства не исчерпывались. Со своей удивительно светлой головой за последних два года Маша стала правой рукой Полякова, пребывая во все той же скромной должности секретаря-референта. И что самое поразительное — именно на работе их отношения и заканчивались. Дело даже было не столько в его семье. Двое сыновей Полякова, уже взрослые ребята, самостоятельно, без блата, поступили в престижные вузы. Жена же переживала вторую молодость и кучу бурных

романов на экзотических курортах. Друг на друга им было давно и прочно плевать. Очевидно, поэтому, изредка бывая в конторе Полякова, супруга исключительно благосклонно общалась с его помощницей.

И тем не менее Поляков, как мог, берег устоявшееся равновесие исключительно деловых отношений, временами упиваясь собственной силой воли, временами ненавидя себя за это.

— Машуня, а это что за ересь, какой-то журналист в половине второго? С какой статьи?

— А как же, Вячеслав Георгиевич, вчера после обеда вы позвонили в приемную и попросили записать эту встречу и сегодня напомнить.

— Ну-ну, брось разыгрывать, — засмеялся Поляков, мельком просматривая остальные дела.

— Нет-нет, вы же знаете, сейчас у нас на работе не до шуток.

Поляков нахмурился.

— М-м... Ты ничего не путаешь? Может, это все же был не я? Может, кто-то из рекламного отдела снова балуется?

Она улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— И, Вячеслав Георгиевич, я вас умоляю, давайте наконец решим этот вопрос с инвестициями. Предложение все же очень выгодное, я предполагаю, что это сулит нашей фирме колоссальные перспективы. Грех за глаза отказываться. Вы же не враг сам себе! Если разрешите, я подготовлю наши документы и уже на завтра можно будет организовать встречу.

— А вот это дудки, — сразу переключился Поляков. — Действительно, я себе не враг. Вот когда сядешь в это кресло, будь оно неладно, Маша, пожалуйста, принимай такие решения сколько угодно. Я-то, конечно, был бы от этой сделки в выигрыше. И ты, вероятно, — усмехнулся Поляков. — Но это удар ниже пейджера для двух десятков несчастных, что окажутся на улице. Которые об этой афере ни сном ни духом. Которые сейчас только и живут на свою скромную зарплату. Я даже никаких подробностей этого варианта знать не желаю. Да мне этот несчастный паром до конца жизни сниться будет!

— Но там же не было ни грамма вашей вины, — возразила Маша.

— Вот именно. Вот именно! — взорвался Поляков. — Мы невольно угробили несколько сотен человек. Так, походя. А теперь ты мне предлагаешь сделать это специально?

— Господи! — Маша прижала руки к груди. — Да я...

— Все, все, все. Я догадываюсь, по крайней мере, надеюсь, что ты ничего такого эдакого не имела в виду, и на том закончим... Есть связь с «Калевом»?

— Да, конечно, все в порядке.

— Про «Ренату» ты говорила то же самое, — вздохнул Поляков.

— Ну Вячеслав Георгиевич! — взмолилась секретарша.

— Все-все, извини. Кажется, я становлюсь мазохистом. А что с нашими кредитами?

— Семьдесят процентов от необходимого числа. Баланса пока нет. Но, учитывая, как быстро мы их получили и использовали, можно уверенно прогнозировать, что к концу месяца все будет в порядке. Проценты просто не успеют нарасти! Ей-богу, — засмеялась она, — Альфа-банк, решившись на кредит для вас, не ждал такой прыти. Но неужели это деньги для того, чтобы пустить по тому же маршруту еще два парома?

— А что тебя удивляет? Двустороннюю договоренность никто не отменял, я имею в виду — между Таллином и Стокгольмом. А наша фирма — по-прежнему эксклюзивный подрядчик. Для нас это деньги немалые, не такие уж легкие и совершенно честные, а это, госпожа финансист, — самое важное. Ну все. Если журналист появился, пригласи его ко мне, это кстати: с «Ренатой» пора поставить точку.

— Значит, вы не собираетесь в Москву?

— А почему, собственно?

— Ну, — замялась секретарша, — были такие слухи... вернее, информация, — поправилась она, зная, как шеф относится к сплетням, но потом подумала, а откуда, собственно, может быть информация? — то есть... Ну, словом, мне показалось, что вы собираетесь перевести фирму в Москву, оставив здесь филиал. Вот.

«Гм... Что это с ней сегодня, — подумал Поляков. — Лезет буквально во все дырки».

— Я когда-то рассказывал тебе, как еще в молодости сбежал оттуда. И знаешь, по совести, не тянет. То, что моя семья в основном живет там, не слишком касается моей работы, разве не так? Кроме того, в Таллине — могила матери.

— Я прошу прощения...

— Дело не в этом. Какое-то время назад я, правда, подумывал о переезде, но сейчас просто не вижу смысла. Дело не только в конкуренции, хотя думаю, что мы бы там не потерялись. Наш маркетинг на рынке грузоперевозок на сегодня, даже с учетом гибели «Ренаты», котируется довольно высоко. Я чувствую себя уютнее в провинции, особенно здесь, в Таллине. А Москва осталась как бы в молодости. Честно говоря, езжу туда с большим неудовольствием, когда это случается... А случается все чаще, — нахмурившись, добавил Поляков.

— Журналист ждет, — напомнила Маша.

— Вали его сюда, — махнул рукой шеф.

Маленький, сухонький симпатичный старичок лет семидесяти поздоровался и по-своему уселся в кресло напротив.

— Я представляю городскую русскоязычную газету «Путь к причалу», — сообщил улыбчивый старичок.

— Машенька, попроси, пожалуйста, чтобы нам сделали кофе... Это замечательно, что у вас сохранилось достаточно энергии для столь активной работы.

Старичок с удовольствием засмеялся и включил диктофон.

— Как вы, наверно, догадываетесь, газету с таким названием, как наша, не могут не волновать ужасные события, к которым оказалась причастна ваша, м-м... организация. — Поляков скривился. — Это очень прискорбно — то, что произошло... Вечная память героям.

— Да-да, — тускло сказал Поляков.

— Хотя каким, к черту, героям? — ухмыльнулся старик. — А вот секретарша — это замечательно, одобряю. Хотя все равно бесполезно.

— Простите, не понял, — удивился Вячеслав Георгиевич. — Что за каша?

— Неужели ты до сих пор считаешь, Поляк, что с «Ренатой» произошел просто несчастный случай?! — совершенно иным голосом спросил «корреспондент». — Ты все еще не понял, какая у нас сила, Поляк? — Старик выключил диктофон. Эти слова ему записывать было ни к чему.

— Вы... Так, значит, это был не несчастный случай... Да нет... Ах вы нелюди! Да я вас всех уничтожу, — зашипел Поляков.

В этот момент вошла секретарша, она сама принесла кофе.

— Выйди отсюда немедленно! — заорал на нее Поляков.

Маша выскочила из кабинета.

— Ты прежде обанкротишься, Поляк, — ласково, даже нежно сказал старик. — Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит.

— Да хрен вам! У меня теперь есть кредиты! Все уже в порядке. Второй паром в полном порядке! Там такая зверская охрана — не подойдешь! — взорвался Поляков и, размахивая руками, выскочил из-за стола. — Лучше не трогайте меня, а то я начну орать и бить всех тупыми предметами по голове...

— Охрана, говоришь? — не обращая ни малейшего внимания на последнюю тираду, переспросил старик. — А ты соединишься сейчас с ними. Они сейчас где-то на полпути в Шве-

цию, правильно? Узнай, как дела, что-то у меня нехорошее предчувствие. Все-таки там много пассажиров, наверное, дети есть. Да и груза хватает.

Не отрывая от него замороженного взгляда, как кролик от удава, Поляков вернулся к своему столу, нажал кнопку селекторной связи:

— Мария, немедленно прямую связь с «Калевом» — ко мне в кабинет.

— Заруби себе на носу, Поляк, — проскрипел старик. — В любой момент мы можем нанести тебе следующий удар.

Через минуту они слышали треск эфира.

— «Калев»? — У Полякова отлегло от сердца. — Начальника охраны мне... Василий Сергеевич, это Поляков, как там у тебя, все нормально?

— С-с-слава! — завопил далекий голос. — В-вячеслав Георгич!!! Эт-тто к-к-какой-то кошмар! Мы горим!!!

У Полякова округлились глаза и отвисла челюсть. Старик участливо протянул ему валидол.

— П-п-полная хана! — кричал голос с Балтики. — В-все п-п-противопожарные средства отказали!

Поляков оттолкнул его руку и устало опустился в кресло. За эти несколько минут он постарел на несколько лет. Поляков закрыл глаза. Какое-то время они молчали.

— В-в-вячеслав Г-г-георгич! — завопил селектор. — П-п-потушили, з-затушили, яп-п-пона м-м-мать! Н-н-ни черта н-не п-п-понимаю! С-с-сам п-п-погас!

Поляков буквально подпрыгнул в кресле.

— Ага, сукины дети! Да вы тут, наверно, вообще ни при чем со своими гребаными угрозами! Элементарно на понт хотите... — Он не договорил, потому что старика уже не было в комнате.

— Сядьте к нему на хвост, — бросил Поляков в телефонную трубку, не набирая никакого номера.

Он выглянул в окно. Шестисотый «мерс», как и положено, стоял у входа в офис. А вот бордового «сааба» уже не было.

— Нет, не надо. Поздно. — Поляков снял трубку другого телефона и набрал несколько цифр. — Да это я, я, Поляк, кто же еще, — сказал он внятно. — Немедленно свяжите меня с Гиббоном.

Мирные переговоры

Выскочив во двор, Турецкий тут же разбудил Грязнова, швырнув в него камешком.

— Слава, глянь, что там происходит?

Недовольный Слава выглянул. Злая собака на цепи разорялась на нахального соседского кота.

Плюнув с досады, Трофимов с Турецким вернулись в дом.

Спустя полчаса на кухню вошла хозяйка. Кинув на мужчин очередной презрительный взгляд, она сообщила:

— Господа сыщики, из дома напротив что-то выносят. Если, конечно, вас это интересует. Что-то эдакое большое и тяжелое. А у одного за плечом автомат. Круз Кастильо в таких случаях...

Турецкий с Трофимовым встали и, не слишком уже доверяя чему-либо, пошли посмотреть.

Возле соседнего дома завелся «БМВ» и подъехал поближе к двери. На ходу доставая неразлучный «марголин», Турецкий нырнул в первое же открытое окно. Пригибаясь, он переметнулся к беседке и, скрываемый ее стенками, короткими перебежками продвигался вперед. Трофимов делал то же самое с другой стороны беседки.

Грязнов безмятежно спал, слегка покачиваясь в кресле-качалке. Разбудить его незаметно для тех четверых, что возились у краснокирпичного дома, было невозможно.

«Только бы он не захрапел, — подумал Турецкий. — Ну, Слава, ну выручаешь, приятель, век не забуду, если, конечно, цел останусь».

Турецкий увидел, как двое мужчин, которых не было при осмотре, вынесли на крыльцо большой сверток.

«Ба, да это ж тот самый мешок из рогожки, что валялся в углу прихожей», — вспомнил Турецкий. У одного из мужчин на плече действительно висел автомат «узи». Братья стояли рядом и что-то тихо обсуждали. «Глухой» внимательно выслушал младшего, согласно кивнул и стал заклеивать мешок скотчем.

Позиция была идиотская, приходилось рисковать.

Турецкий с пистолетом в руке вышел из своего укрытия.

— Тебе же говорили, что старших обманывать не стоит, — бросил он младшему брату. — Всем руки за голову, лицом к стене. Ты, — это относилось к двухметровому, — брось оружие на землю.

Трофимов молча вышел с другой стороны и ткнул младшего стволом своего пистолета между лопаток. Тот попытался выбить пистолет, но получил удар в скулу и рухнул на землю, схватившись за лицо. Между пальцев выступила кровь.

Турецкий успел отметить про себя, что лихой Трофимов ударил своего противника вовсе не пистолетом, а левой рукой, той самой, где на пальце у него было массивное кольцо-печатка. Ну что же, неплохое оружие.

Двухметровый мужик в белой рубашке шевельнул плечом, сбрасывая автомат на землю, и вдруг, неуловимым движением перехватив его в воздухе, дал очередь.

Трофимов с Турецким рухнули на траву, ничуть, однако, не задетые. Трое приятелей двухметрового, спрятавшись за машиной, тоже вытащили оружие и открыли стрельбу. Большой тук остался на крыльце.

Собака на цепи лаяла так, что можно было оглохнуть. Грязнов тем не менее продолжал спать.

Очередная пуля вцепилась в дерево на пять сантиметров выше виска Турецкого. Опля, однако.

Грязнов по-прежнему спал. С ума можно сойти!

Трофимов, «качая маятник», уклоняясь на бегу от возможных попаданий, продвигался к дому с другой стороны.

«Если ему удастся это сделать, бандюги окажутся между двух огней», — подумал Турецкий.

Но бандюги тоже это поняли, и один из парней, непрерывно стреляя с двух рук, переместился влево. А другой запрыгнул наконец в машину и судорожно пытался ее завести.

Турецкий стал стрелять по колесам. Но этот сектор попадал в мертвую зону, разве только если бы пули заворачивали за угол. Тогда, всунув в «марголин» очередную обойму, он стал наугад бить по предполагаемому бензобаку. Черт его знает, где он у «БМВ». В эти мгновения автомобиль наконец завелся и пытался развернуться на дороге. Но пятый выстрел Турецкого попал наконец в цель. Через две секунды машина вспыхнула. Водитель стремглав выскочил, и вовремя, потому что почти сразу раздался взрыв, вместе с которым машина въехала в забор.

— Эй, парни! — закричал Трофимов, перекрывая шум стрельбы. — Не валяйте дурака, ну зачем это нужно?!

Фьюить-фьюить — просвистело рядом.

Турецкий вынырнул из-за сосны и несколько раз подряд нажал на курок. Мимо.

— Вы, козлы, я начальник угро майор Трофимов! — заорал Трофимов. — Ложитесь на землю, обещаю забыть про тонну свинца, которую в нас выпустили! Давайте спокойно разберемся!

Фьюить-фьюить-фьюить.

— Слава, Слава, черт тебя возьми! — закричал Турецкий Грязнову.

Грязнов пошевелился, но не проснулся.

«Глухой» спустил собаку с цепи, и она огромными прыжками понеслась на Турецкого. Лишь двумя выстрелами удалось ее остановить. Пес отдал Богу душу в прыжке и уже мертвым свалился на Турецкого.

А двухметровый детина, длинно выругавшись, снова дал веерную очередь из «узи». Раненный в плечо Трофимов отлетел в сторону.

И только теперь Грязнов наконец проснулся и, увидев эту войну прямо в десяти метрах перед собой, моментально выхватил «макаров» и, особенно не раздумывая, выстрелил четыре раза подряд. После этого делать было уже нечего. Наступила тишина.

Не может быть! Да нет, так и есть.

Турецкий вздохнул с облегчением. Ну Слава, ну, жук! Натурально...

Трофимов, зажимая рукой окровавленное плечо и растерянно глядя то на распростертое тело, то на сонного и не очень трезвого Грязнова, просто отказывался верить своим глазам. Но все было именно так. Двое убиты. Остальные смылись.

Двухметровый лежал возле деревянного стола. Рядом с его вытянутой рукой валялся автомат.

Трофимов, скрипнув зубами, поднялся на колени, затем — на ноги. Турецкий подошел помочь ему.

— Сволочь, — морщась от боли, выдохнул Трофимов, снова опускаясь на землю.

— Жаль, — процедил Турецкий. — Теперь мы ничего не узнаем.

Глаза Трофимова заволокла белая пелена, и он потерял сознание. Шок, понял Турецкий. Он осмотрел его и убедился, что пулевое отверстие лишь одно. Пуля застряла в плече. Это было скверно.

— Вот тебе и НЛО, вот тебе и якорь, — подвел итог Грязнов, засовывая пистолет в кобуру. — Переговоры прошли в теплой, дружеской обстановке. Как сказал бы мой племянник Дениска — полный отпад.

Из дачи, которая до этого служила им наблюдательным пунктом, вышла «вторая скрипка филармонического оркестра». В руках у нее были вата, бинт и перекись водорода.

— Слава, не пора ли нам посмотреть наконец, что в этом мешке? — не обращая на нее внимания, спросил Турецкий, направляясь к крыльцу. — Елки-палки, такое чувство, что здесь проводила учебные стрельбы хорошая рота солдат. — Он шел практически по сплошным гильзам.

— Держу пари, что не грязное белье. — Грязнов тоже двинулся вслед за ним. В результате «переговоров» мешок оказался прострелен в нескольких местах.

— Должна признать, — официальным голосом сказала дама, окидывая взглядом поле боя, — что Круз Кастильо — просто жалкий сопляк. «Скорая» и милиция уже едут, — отрапортовала она, принявшись за рану Трофимова.

Ранняя смерть

После неудачи с Рюйдэ Рейн несколько приуныл. Он уже начал сомневаться в правильности собственных логических построений и в том, удастся ли собственными силами найти виновника гибели парома. Однако будучи по натуре человеком пунктуальным, Рейн не мог позволить себе остановиться на полдороге. К тому же последние выпуски новостей по Таллинскому телевидению убедили его в том, что вокруг следствия уже идут какие-то закулисные игры. Например, все чаще стали сообщать, что катастрофа, скорее всего, вызвана погодными условиями или техническими неполадками. В качестве виновника журналисты пытались выставить начальника дока, в котором год назад ремонтировали «Ренату». И ни слова о предполагаемом взрыве!

Кто-то явно хотел направить следствие по ложному следу.

Последним в списке тех, кто не сел на «Ренату», значился некий Игорь Бурцев. Телефон, стоящий рядом с его фамилией, почему-то все время был занят. Рейн решил выяснить его адрес и отправиться туда. В конце концов, при личной встрече всегда можно выяснить гораздо больше.

Квартира Бурцева находилась на окраине Таллина, в районе новостроек. Проплутав среди однотипных многоэтажек, Рейн наконец добрался до нужного дома.

О чем говорить с Бурцевым, как выяснить его причастность (или непричастность) к гибели парома, Рейн не знал. Он не представлял себе даже, с чего начать разговор. Ведь даже Рюйдэ мог выставить его за дверь еще в начале разговора. И в принципе оказался бы прав. То же самое сейчас мог бы сделать и Бурцев. Так что оставалось надеяться лишь на случай.

У подъезда панельной девятиэтажки стояли несколько мужчин в строгих костюмах, которые курили и о чем-то тихо между собой переговаривались. Рейн подумал, что ему светиться совершенно ни к чему, и хотел проскользнуть незамеченным, но это не удалось. Завидев его высокую фигуру, они разом повернулись и проводили Рейна долгими взглядами. Такой неожиданный прием вверг его в некоторое замешательство. Но еще больше он растерялся, когда обнаружил, что входная дверь квартиры Бурцева приоткрыта. Изнутри доносились приглушенные голоса.

«А не уйти ли мне отсюда от греха подальше? — только и подумал Рейн. — Вдруг здесь ограбление? Те, внизу, стоят на стреме, а отсюда сейчас выйдут... И уберут меня как ненужного свидетеля...»

Стать случайной жертвой грабителей никак не входило в планы Рейна.

Когда дверь стала медленно отворяться, он на какие-то доли секунды почувствовал себя профессором Плейшнером и уже готов был броситься вверх по лестничному пролету. Но на пороге вместо злобного бандита, вооруженного до зубов, стояла одетая во все черное женщина с заплаканными глазами.

— Здравствуйте, — прошептала она, увидев Рейна.

— Здравствуйте, — также шепотом ответил Рейн.

— Проходите, пожалуйста. — Женщина взяла его за руку и потянула в квартиру. «Как-то странно все это». Рейн послушно последовал за женщиной.

В прихожей она остановилась и, приблизив лицо к уху Рейна, тихо спросила:

— Вы сослуживец?

— Да, — на всякий случай ответил он.

— Хорошо.

Рейн скорее догадался по движению губ, чем расслышал.

«Да что тут происходит?»

Ответ пришел сам собой, когда женщина открыла перед ним дверь в комнату и мягко подтолкнула внутрь. Рейн оказался в самой большой комнате квартиры. Их еще некоторые гордо называют «залой».

По периметру стен сидели люди со скорбными лицами. В руках у женщин белели платочки. Но самое главное — в центре на голом столе стоял обитый черным крепом гроб! Рейн остановился как вкопанный. Этого он никак не ожидал.

— Ну что же вы, — снова дотронулась до его локтя женщина. — Подойдите к матери.

«Если бы еще знать, кто из них мать. И кто покойник. Неужели это Игорь Бурцев скончался? Очень интересно».

Женщина снова взяла Рейна за руку и подвела к сидящей на диванчике сухонькой старушке, которая то и дело прикладывала к глазам кружевной платок. Прошептав ей что-то на ухо, женщина указала глазами на Рейна. Старушка кивнула и протянула ему свою ручонку.

— Примите мои глубокие соболезнования, — проговорил Рейн, легонько пожимая ее.

— Все это так неожиданно, так неожиданно... — снова заплакала старушка.

Женщина чуть-чуть сжала локоть Рейна, давая понять, что соболезнования закончены. Он медленно отошел в другой конец комнаты и сел на свободный стул. По дороге он успел разглядеть покойника.

Это был молодой парень, лет двадцати трех. Среднего роста, блондин.

«Видимо, это действительно Бурцев. Ну и дела... Знать бы еще, от чего он умер?»

Время от времени в комнату входили новые люди, ведомые все той же женщиной с покрасневшими глазами. Их вначале подвели к матери, а потом усаживали на свободные стулья. В свою очередь, другие, отсидев положенное, удалялись. Таким образом, происходила своеобразная смена караула.

«Интересно, когда настанет моя очередь выйти отсюда?» — подумал Рейн. Ему очень хотелось присоединиться к группе родственников и друзей у подъезда и постараться вывести причину смерти Бурцева.

Присутствующие хранили глубокое молчание. Минут через пятнадцать, когда Рейн совсем уж собрался выйти из комнаты, внезапно вошло несколько человек, осторожно держа крышку от гроба. Все поднялись со своих мест. Рейн заметил, что крышку не стали прибавлять наглухо.

«Значит, прощание с покойным состоится на кладбище, — заключил он. — Мне тоже надо обязательно попасть туда. Помнится, во многих детективных романах часто все выяснялось именно во время похорон».

Когда все стали выходить, в прихожей Рейн заметил одну интересную деталь. Телефонная трубка аппарата, стоящего на тумбочке, была снята и лежала рядом.

«Вот почему я так долго не мог дозвониться».

Рейн поотстал от толпы родственников, взял трубку и приложил ее к уху, но не услышал даже отбойных гудков. Он несколько раз нажал на рычаг, но и это не возымело никакого действия.

— Телефон не работает, — раздался за его спиной голос все той же вездесущей женщины в черном. — С того самого дня... Мать велела отключить... — И она залилась слезами.

Рейн не понимал ровным счетом ничего.

Гроб долго спускали с девятого этажа по узким лестничным пролетам. Внизу уже ждали автобусы. Рейн поспешил занять место в одном из них, и когда гроб погрузили в черный «рафик», выполнявший роль катафалка, процессия медленно тронулась.

Почему-то во время всех похорон, на которых когда-либо был Рейн, обязательно шел дождь. Поэтому, наверно, погребальная церемония у него ассоциировалась с пасмурной погодой, пронизывающим холодом и обувью, измазанной в глине. Эти похороны не были исключе-

нием. За окном автобуса накрапывал мелкий противный дождик, добавляя грусти в невеселую атмосферу.

К большому сожалению Рейна, соседнее место осталось незанятым. Если бы там сидел кто-нибудь из родственников или друзей Бурцева, можно было бы попытаться вывести какие-то сведения. Теперь же приходилось прислушиваться к разговорам вокруг.

— Да, — качая головой, говорила пожилая женщина за спиной Рейна. — Совсем молодой парень!

— И не говорите, — поддакивала ей соседка. — И двадцати пяти еще не исполнилось.

— Вот ведь как бывает...

— Бог дал, Бог и взял.

— Матери-то какое горе!

— И не говорите...

Весь дальнейший разговор шел в том же бесперспективном для Рейна ключе. Поэтому он попытался прислушаться к соседям спереди. Это были двое ровесников Бурцева.

— А у него мои конспекты остались. А завтра экзамен... Как ты думаешь, забрать их уже никак нельзя?

— Неудобно мать беспокоить в такой день.

В итоге Рейну удалось выяснить, что Бурцев учился в Финансовой академии. Прямо скажем, негусто. Как назло, никто не обсуждал причину его смерти. Рейн уже собрался задать сидящим сзади тетушкам прямой вопрос, когда автобус остановился у ворот кладбища и все заторопились к выходу. Лишь один раз краем уха он услышал: «Ифартк».

«Что за ерунда? В таком возрасте не умирают от инфаркта».

Еще в мединституте преподаватель по курсу кардиологии говорил им: «Запомните, если пациенту меньше тридцати, ищите причину сердечных болезней где-то в другом месте. Сердце просто физически не может изнашиваться за такой маленький срок, оно рассчитано на сто лет».

Откуда-то появился небольшой духовой оркестр, музыканты все как один для защиты от дождя напялили на головы прозрачные полиэтиленовые пакеты, отчего производили несколько странное впечатление. Остальные ограничились предусмотрительно захваченными зонтами. У Рейна зонта не было, и он очень быстро вымок до нитки.

Через несколько минут, когда гроб извлекли из «рафика», печальная процессия медленно двинулась по скользкой глинистой дорожке в глубь кладбища. Оркестр внезапно заиграл что-то очень нестройное и фальшивое, и только при очень большом желании можно было распознать похоронный марш Шопена.

Шли довольно долго. Сначала миновали старую часть, с черными гранитными обелисками, на которых были выбиты трогательные эпитафии в стихах, затем потянулись пирамидальные стелы со звездами на верхушках, перемежаемые редкими металлическими крестами, покрытыми облупившейся краской. Потом крестов стало больше, зато поредела растительность. В конце концов они вышли на совершенно голый участок, почти не занятый могилами. Здесь и остановились возле свежерытой ямы, которую могильщики предусмотрительно закрыли полиэтиленовой пленкой, чтобы не заливало.

Пока процессия шла к месту захоронения, Рейн потихоньку пробился к самому гробу. Вдруг он почувствовал, что кто-то тычет ему в спину. Это была все та же заплаканная женщина.

— Вот, — она протягивала ему большой черный зонт. — Сейчас откроют крышку гроба. Подержите зонт над покойным. Нельзя, чтобы он вымок.

Пришлось подчиниться.

Вскоре появился священник в сопровождении нескольких старушек, которые сразу же тихонько запели.

Гроб поставили на специальную железную раму и открыли. Мать и остальные родственники громко зарыдали, а священник запел низким грудным голосом.

Дождь все усиливался, и Рейн теперь был очень рад, что ему поручили держать зонт, который защищал не только покойника, но и его самого.

Пока шло отпевание, Рейн хорошенько разглядел Бурцева. На лице — никаких следов болезней, совершенно молодая, почти юная кожа. Никаких признаков синюшности, которая сразу выдает больного после смерти. Даже сейчас, на холодном ветру, кожа не приобрела мертвенно-восковой бледности. Но самое главное — это губы. Опытный врач по губам трупа может прочитать всю его «историю болезни». Так вот, губы Бурцева были нормального, сине-фиолетового цвета. По всем признакам он производил впечатление совершенно здорового человека.

«Конечно, — размышлял Рейн, — это нельзя утверждать наверняка. Но то, что у парня никогда не было проблем с сердцем, я, пожалуй, могу подтвердить даже под присягой. Хорошо бы, конечно, зрочки посмотреть...»

Священник закончил отпевание, и родственники стали по очереди подходить к гробу. Дождь все усиливался, и процедура прощания проходила довольно быстро. Только старушка мать долго не хотела отходить от тела. Ее стали торопить, и вдруг она что-то громко закричала и уцепилась за голову сына, сбив в сторону подушку, на которой она лежала. Старушку стали успокаивать и потихоньку уводить от гроба. И тут Рейн заметил в глубине левого уха покойного небольшую язвочку.

Возможно, он бы не обратил на нее внимания, но наметанный взгляд врача сразу заметил необычный вид этой ранки. В середине маленького, со спичечную головку, воспаления ясно выделялась белая точка. Такая ранка могла появиться, например, если ткнуть в ухо раскаленной докрасна спицей, и сразу же ее отдернуть. Место ожога сразу побелеет, а область вокруг через некоторое время воспалится. Ранка была совершенно свежая. Но в любом случае она конечно же не могла быть причиной смерти.

Гроб заколотили и быстро, чтобы в могилу не натекло воды, засыпали землей. Холмик покрыли пластмассовыми венками. Земля вокруг могилы уже превратилась в непролазную грязь, и родственники поспешили обратно к автобусам.

По дороге к воротам кладбища Рейн набрался смелости и спросил у одной из тетюшек:

— Скажите, от чего умер Игорь?

— А вы не знаете? — удивилась она. — От сердечного приступа. Так, во всяком случае, сказал врач. Видно, разнервничался сильно. У него какие-то неприятности на работе были. Вы-то наверное в курсе. Вы же тоже в порту работаете? Тоже стюардом на пароме?

Рейн чуть не подпрыгнул от неожиданности, но виду не подал.

— Ну вот, — продолжала тетюшка, — а между нами говоря, какая у двадцатитрехлетнего парня сердечная недостаточность? Откуда? Вот ведь жизнь какая пошла. Я так думаю, все болезни от нервов. И Игорь от нервов умер. Мать говорит, по телефону разговаривал — и умер. — И она полезла в сумку за платочком. — Ему недавно кто-то телефон подарил... Этот... Как его? Который без провода? Он еще называется как-то странно. Что-то связанное с пчелами.

— С пчелами? Сотовый?

— Точно, сотовый. Напридумывали дряни всякой. Один вред от этих штук...

— А кто подарил?

— Не знаю... Говорят, подруга его, Дита...

Когда Рейн возвращался к себе в гостиницу, было уже совсем темно. Он безумно устал, ботинки и нижние края брюк были облеплены комьями глины, но все-таки день прошел не зря. Удалось установить, что Бурцев работал в порту, а значит, мог иметь какое-то отношение к катастрофе. Кроме того, его неожиданная и загадочная смерть вызывала большие подозрения. Рейн чувствовал, что напал на след.

— Который час, не подскажете?

В Таллине теперь редко когда можно было услышать на улице русскую речь. Даже не владеющие языком старались говорить с акцентом. Вопрос прозвучал неожиданно еще и потому,

что задавший его был скрыт в тени огромного платана, растущего здесь, видимо, с самого дня основания города.

Рейн посмотрел на часы, но ответить не успел. Чьи-то стальные пальцы схватили его за горло и уволокли в темноту...

«Рыжуха»

— Вячеслав Георгиевич, Владивосток на связи, — раздался из селектора голос Маши. Поляк нервно схватил трубку. После нескольких секунд треска, бульканья и жужжания в ней раздался голос Гиббона:

— Слушаю.

— Это я, — сказал Поляк.

— А-а, привет-привет, как поживаешь?

— Нормально... Ты лучше скажи, где «рыжуха».

— Ну-у, кто же такие вещи по телефону выясняет? Сам понимаешь...

«Что-то произошло», — подумал Поляк.

— Объясни в двух словах.

В трубке замолчали. Поляку показалось, что Гиббон с кем-то разговаривает.

— Ты знаешь, — наконец сказал он, — лучше бы нам встретиться.

— Ну прилетай.

— Не могу. Дела, знаешь...

— У нас с тобой одно дело! — чуть ли не выкрикнул в трубку Поляк.

— Ну не скажи. Пока ты там в Таллине роскошествуешь, у меня сплошные неурядицы.

Вот недавно вертолет свалился...

— Как это — свалился? Ты что, с ума сошел? У меня уже все заряжено!

— Не знаю... Думаю, у тебя хлопот с твоим паромом по самое не могу...

— Ах ты старая сволочь! — не удержался Поляков. — Ты забыл, что...

Гиббон хмыкнул:

— Если ты чем-то недоволен, мы можем прервать наше взаимовыгодное сотрудничество.

Поляк сцепил зубы.

— Я не понял. Тебя что, гонорар не устраивает? Или ты на кого-то другого поработать решил?

— А вот это уже не твое дело, — жестко сказал Гиббон, — я повторяю — прилетай во Владивосток. Поговорим.

Поляк с силой бросил трубку на рычаг.

— Маша! — крикнул он изо всех сил.

Дверь тотчас же открылась.

— Вячеслав Георгиевич, как вы меня напугали. Селектор же есть.

— Ты меня еще учить будешь! — расвирипел Поляк. — Соплячка!

Маша, привыкшая к нервным приступам своего шефа, стояла молча.

— Машину! Срочно!

— Сейчас, — она выбежала из кабинета.

Поляк вскочил со своего кресла и принялся ходить взад-вперед по кабинету, опрокидывая на ходу стулья и цепляясь за телефонные провода. «Ну, Гиббон, погоди, падла, я до тебя еще доберусь!»

— Маша! — снова заорал он.

Секретарша вновь возникла в дверном проеме.

— Скажи, чтобы самолет приготовили.

— Хорошо. Куда летим?

— Скажу в аэропорту.

— Машина у подъезда, Вячеслав Георгиевич.

Скоростной лифт мигом спустил Поляка на первый этаж. Выйдя из вестибюля, он обнаружил, что его дожидается оранжевый «ниссан». Пришлось снова возвращаться в офис.

Маша стойко перенесла поток ругательств, обрушенных на нее шефом. При этом она даже успела принять какой-то факс. Когда запас слов у Поляка иссяк, она сказала:

— Не было другой машины, Вячеслав Георгиевич.

— Где мои «мерседесы»?!!

— Один у главного бухгалтера — он уехал договариваться со шведами. Другой в ремонте. Третий поехал заправляться — вы же знаете, сейчас с бензином напряженка...

Поляк в бессилии опустился в кресло. Он был одним из самых крупных таллинских бизнесменов, с ним здоровался за руку сам премьер-министр, его состояние оценивалось восьмизначными цифрами в долларах... И ему же подчиненные подсовывают какую-то японскую гадость из-за того, видите ли, что «с бензином напряженка».

Пришлось ждать, пока шофер вернется из путешествия по бензоколонкам.

Пообещав уволить всех, Поляк погрузился наконец в «мерседес» и приказал везти в аэропорт.

Да, с Гиббоном надо было срочно что-то делать. Если он действительно нашел какие-то другие способы сбыта золота, это пробило бы существенную брешь в доходах Поляка.

Все дело в том, что грузопассажирские перевозки были только милым прикрытием настоящего бизнеса. Нелегальная переправка желтого металла за границу была основной сферой деятельности Поляка. Золото, добываемое на рудниках, сначала доставлялось Гиббону, который превращал песок и самородки в слитки. Потом небольшими партиями оно переправлялось в Москву, где на них ставились настоящие пробы, клейма и все такое. Там же подкупленными чиновниками оформлялись необходимые документы: лицензии, сертификаты и так далее. Конечно, легально через границу с ними соваться было нечего — во-первых, явно фуфловое происхождение этих бумаг было видно невооруженным глазом, а во-вторых, подкуп российских пограничников требовал дополнительных вложений, которые в конечном счете повышали себестоимость товара, и Поляк предпочитал действовать иначе. В тайниках, оборудованных в рефрижераторах, перевозящих для фирмы «Прибалтика» говядину, золото доставлялось в Таллин. Здесь все было гораздо проще. Чиновники сквозь пальцы смотрели на вывозимые из России ценности, в крайнем случае требуя небольших взяток. Но чаще Поляк обходился без них. На каждом рейсе его паромов в грузовом трюме перевозилось несколько «упакованных» машин, в шинах, под сиденьями и между обшивкой дверей которых были спрятаны слитки. Машины всякий раз были новые: расчетливый Поляк специально открыл в Стокгольме небольшую фирму, которая по дешевке продавала их шведским безработным и студентам. Дальше все шло как по маслу: в Швеции клиентов, желающих купить качественное русское золото, было полно. Именно для них и были нужны сертификаты и лицензии. Скандинавы очень боялись проблем, связанных с полицией, которая могла заинтересоваться происхождением золота. Деньги, вырученные от продажи, частично оседали в европейских банках, частично переправлялись обратно в Эстонию. Пятнадцать процентов переходили на счета Гиббона.

Кроме золота, Поляк занимался переправкой на Запад никеля, меди, палладия и даже редкоземельных металлов. Но все-таки главный доход ему давало именно золото. И теперь этот золотой ручеек вдруг как-то вмиг иссяк.

Главное, Поляк никак не мог понять: кто же поставил на пути ручейка преграду?

На полпути в аэропорт Поляк позвонил в Сочи. Для того чтобы приструнить Гиббона, нужны были люди. Однако нужный номер не отвечал, хотя Поляк знал, что «командир» никогда не расстается со своим телефоном. Мысленно выругавшись, Поляк набрал другой номер. Ответил женский голос:

— «Восход» слушает.

— Какой еще «Восход»? — возмутился Поляк. — Я звоню в «Свет».

— «Свет» переехал. Теперь здесь «Восход». — В трубке раздались отбойные гудки.

Поляк положил трубку, уставился невидящими глазами в окно. Как раз подъезжали к аэропорту, где его ждал личный самолет.

— Поворачивай, — сказал Поляк шоферу.

Через час он уже сидел в купе вагона люкс поезда «Таллин-Москва».

Живой труп

Быстро стемнело. Грязнов занялся мешком. Турецкий устало опустился на пенек, прилонившись спиной к столу.

«Только что Славка угробил человека, — подумал Турецкий. — И настроение у него замечательное. Выспался он, видите ли. С другой стороны, не угробил бы, очень может быть, что ничего такого сейчас я бы уже не думал».

— Что там в мешке? — спросил Турецкий.

— Да откуда я знаю, — пожал плечами Грязнов.

— Тогда почему бы тебе просто его не разрезать?

Предложение запоздало, потому что в этот момент Грязнов как раз открыл мешок. И отшатнулся.

Внутри лежало тело белокурой молодой женщины.

У Турецкого свело скулы.

На грязном лице женщины застыла маска страданий. Ее руки и ноги были стянуты клейкой лентой. Рот залеплен.

— Есть там кто живой? — крикнули из машины «скорой помощи».

— Куда там, — отмахнулись криминалисты.

Рыжий криминалист с ярко-фиолетовым галстуком на красной рубашке монотонно забубнил, время от времени щелкая фотоаппаратом в разных ракурсах. Его напарник записывал, приговаривая:

— Платье дорогое, черного цвета, разорвано во многих местах, нижнее белье отсутствует. Обuvi тоже нет. Предположительно изнасилована... возможно, не один раз. На шее и груди — множество синяков и свежих кровоподтеков. М-м... на внутренней стороне правого бедра — свежая татуировка: большая буква «П» с завитушками. На груди же, в основном вокруг сосков, — множество мелких ожогов, похоже, от сигареты. Мочка правого уха разорвана, очевидно, вследствие выдергивания сережки...

— Все, что ли? — буркнул Грязнов.

— Остальное — вскрытие покажет. Вскрытие пока что — единственная область медицины, которая дает ответы на все вопросы. Ага, еще два касательных ранения, предположительно пулевых, на внешней стороне правого бедра... О черт, да они же свежие!

— Это что, во время нашей перестрелки? — подал голос Трофимов.

Ему утвердительно кивнули.

— Фу-ты, ну-ты! — воскликнул подошедший санитар «скорой помощи». — Да это же сама Климова! Вэлла Климова.

— Климова?! — воскликнул Трофимов, лежа на носилках, которые заносили в машину. Климова? Да подождите же! Александр Борисович!

— Андрей, вы не волнуйтесь, я сегодня вечером приеду — и мы обязательно обо всем поговорим, — Турецкий подошел к нему.

«Скорая» уехала.

— А вы знаете, кто это? — спросил Турецкий у рыжего криминалиста.

— А то! Миссис Побережье.

— Что это значит?

— Директор крупнейшего гостиничного комплекса — «Горизонт» называется. Куда ни глянь — всюду он, — усмехнулся криминалист. — Ее все знают. Ну а я недавно имел удовольствие, лично, так сказать... У нее муж пропал некоторое время назад.

— Насколько давно?

— Да, наверно, неделю, никак не меньше. А пять дней назад мне пришлось идентифицировать одно тело после пожара, с ее помощью. Но это был не он... Самое забавное, что она — Вэлла-то, вовсе никуда не заявляла. Говорила: ну мало ли где мужик шляется. Дескать, его личное мужеское дело. Но Климова все равно искали. Шуму было больно много, сейчас, правда, все поуспокоилось.

— После смерти Малахова?

Криминалист деликатно промолчал.

— Так и не нашли Климова? — все наседал Турецкий.

— Не-а.

— Кто ж он был такой, ее муженек? Что делал?

— Герат-то? А ничего он не делал, по-моему.

— Если она не заявляла, как же узнали, что он пропал? И почему искали?

— Да говорят, что Герат был другом Малахова.

«Вот те раз», — подумал Турецкий.

— Герат — это что, имя?

— Да шут его знает. Я знаю только, что Климов — афганский ветеран, офицер, награжден был этим, как его, орденом Красной Звезды, что ли, или даже — Знамени... А, один черт, какая теперь разница. Ну а мужик был крутой, даром что слепой на один глаз. А так — здоровенный лоб, под два метра ростом. Как в такого душманы не попали — уму непостижимо.

— Под два метра, — спохватился Турецкий. — А этого ты видел? — он показал на одного из убитых.

— Да нет, этот молокос еще. Или уже, — хохотнул криминалист. — Навеки зачислен, так сказать. А тот был мужчина в самом соку.

— Откуда все эти сведения, насчет Малахова и прочее?

— Так слухи же, — удивился криминалист. — В курортный сезон у нас сплетни разлетаются особенно быстро. Только ленивый этого не слышал. Или глухой.

Турецкий машинально посмотрел на труп «глухого».

Из дома вышел капитан. Вид у него по-прежнему был не слишком веселый.

— Никаких тайных подвалов, погребов, — вздохнул капитан. — Ничего в таком роде. Чтобы найти возможные подземные помещения, нужна специальная аппаратура, а она у нас в городе имеется только у «смежников».

— Ну беднота, — посочувствовал Грязнов. — У ФСБ, что ли?

Капитан грустно кивнул.

— Вообще нашли что-нибудь интересное?

— Да чушь всякую. В большой комнате наверху — целая куча зажигалок, и все — рабочее.

— Это вовсе не чушь, — тяжело вздохнул Турецкий. — Скорей всего, ее пытали этими зажигалками, причем совсем недавно. Вот что, капитан, на этот телефон, — он кивнул на дачу, — посадите «попугая». Только не здесь, конечно. Засекайте, откуда будут звонить, и всю прочую информацию. Словом, не мне вас учить. Перекиньте его к себе, в город, лады? Кстати, а документы на дом вы проверили?

— Как ни странно, все в порядке, к Климовым он никакого отношения не имеет. Братья Киряковы — коммерсанты из Адлера, действительно жили здесь в собственном доме, и, по моим данным, большую часть года.

— Что же тут можно было делать? — удивился Турецкий. — Вы говорите: коммерсанты? Чем же они занимались?

— Всем понемножку, — практически дословно повторил ответы младшего брата грустный капитан. — Последнее время, насколько мне известно, торговали радиоэлектроникой.

— Значит, муж пропал, — в раздумье произнес Турецкий. — Жена не заявляет, ее похищают и пытаются. Как-то по идиотски все выглядит, разве нет?

— Ты что, считаешь, что она сама его сперла, прикончила, а потом его кореша решили отомстить? — поинтересовался Грязнов.

— Это ты сказал, — серьезно заметил Турецкий. Он повернулся к сотруднику милиции: — Капитан, мне нужно, чтобы в доме сняли все пальчики, обязательно. В туалете, возле телефона — особенно внимательно.

— Да там же работы на день, — застонали криминалисты.

— Это необходимо, здесь мог быть кто угодно, вплоть до убийцы Малахова, — сказал Турецкий первое, что пришло в голову. — Да, чуть не забыл! При баллистической экспертизе первым делом надо проверить оружие и патроны этих орлов на убийство Малахова.

— Новый геморрой на нашу голову, — тихо, но так, чтобы все слышали, пробурчал рыжий эксперт-криминалист. Никто с этим не спорил.

Он осторожно снял скотч с женского рта и спрятал его в вакуумную упаковку. В эту секунду тело женщины дрогнуло, и она чуть слышно застонала.

— Жива! Жива эта стерва! — заорал эксперт-криминалист, отскакивая. — Фу, черт, давно так не пугался. Да разве ж можно так издеваться над людьми?!

Все моментально что-то закричали, заговорили, но лишь один Грязнов догадался без промедления броситься в погоню за отъехавшей «скорой помощью».

— Сделайте же что-нибудь! — заорал на рыжего эксперта-криминалиста Турецкий, забыв, что тот не врач, а эксперт криминалистики.

Но тот не решался даже приблизиться. Очевидно, для него Вэлла Климова выглядела пострашнее иного трупа.

— Не моя специфика! — отбивался криминалист. — Не мой профиль! Я не судмедэксперт, а криминалист.

Выручила все та же соседка — «вторая скрипка филармонического оркестра».

— Неплохо было бы убрать отсюда всех лишних, — неприязненно глядя на нее, высказался рыжий эксперт-криминалист.

— Убери лучше свой идиотский галстук, — посоветовал Турецкий.

Пока соседка промывала все ссадины и порезы, пока дезинфицировала два касательных ранения, Грязнов успел пригнать назад «скорую».

Они с Турецким присели за деревянным столом.

— В больнице — обязательно охрану, — предупредил Турецкий местного оперативника.

— Саня, ну ты их уже совсем за идиотов держишь, — заступился Грязнов за коллег.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Турецкий. — Чего я не пойму, Славутич, так это откуда здесь может быть угольная пыль?!

— Пыль?

— Ну да, помнишь, на кроссовках у парня — следы угольные на паркете оставались.

Грязнов внимательно осмотрел руки женщины. Они были исцарапаны, ногти — в большинстве обломаны. Под ногтями было черно.

— Действительно пыль. Видимо, оттуда, где ее держали.

— Попробуй найди, где держали, — усмехнулся Турецкий. — Эти, — он кивнул на местную милицию, — уже весь дом перерыли. Разве только в холодильнике она лежала?

Эксперты перевернули труп «глухого» Кирякова. У него из кармана выпал пульт с надписью «Сони». Грязнов уставился на него. Зачем нужно носить с собой пульт?

— Ч-черт, телевизор! Большой телевизор наверху! — Грязнов с Турецким побежали в дом.

Огромный телевизор по-прежнему работал. Как ни пытались они найти лазейку, ничто не говорило о наличии тайного хода или чего-то другого в таком же роде.

Турецкий выключил телевизор. А Грязнов машинально повторил его движение, нажав кнопку пульта. Раздался щелчок, телевизор немного отъехал вглубь, затем опустился, открывая небольшой люк.

Этот ход вел в подвал, в который иначе попасть было невозможно. Пол в нем был гаревый.

«Похоже, что сюда, не мудрствуя лукаво, сбрасывали золу из камина. Вот откуда черные следы кроссовок. Конечно же он не спал, этот парень со шрамом от аппендицита на лбу. (Бывают же такие загадки анатомии!) Ну ничего, все же лучшего хирурга, чем Грязнов, не придумаешь», — не удержался Турецкий.

Никакого намека на освещение тут не было. Грязнов сходил за фонариком.

На стене была нацарапана нелепая фраза: «Да будет „Свет“!» В углу стояло кресло с обрывками скотча на подлокотниках. Вот здесь и держали пленницу. Вторую половину подвала занимали два металлических стеллажа, забитые разнообразной аппаратурой. Какие-то усилители, антенны, проводки, кнопочки-лампочки, компьютер и прочие примочки и фенечки, как сказал про себя Турецкий...

— Натурально, неплохо устроились, — одобрил Грязнов.

— Жизнь прекрасна и удивительна, — пробормотал под нос Турецкий. — Такому мирному обывателю, как ты, Славик, не разобраться.

— А чего разбираться-то, — хмыкнул Грязнов. — Все ясно и ребенку. Это были рэкетеры, а аппаратура — для прослушки бизнесменов. И бизнесвуменов.

— Ты полагаешь? — недоверчиво хмыкнул Турецкий. — Не слишком ли ребята были круто упакованы для мелкоты? И не слишком ли их много для одной несчастной девки?

— Может, и так, а только помяни мое слово, техника эта гроша ломаного не стоит, какой-то дедушкин аппарат.

— Технику оставьте здесь, — сказал Турецкий оперативнику, — я сюда вернусь в ближайшее время. Помещение, естественно, опечатайте. Сами — подальше отсюда, не следите. И немедленно пришлите сюда своих экспертов, пусть попробуют разобраться, что там за электроника наворочена.

— Да чего там опечатывать? — сказал Грязнов и просто положил к себе в карман пульт управления телевизором. — Если кому охота — пусть попробует влезть. Какие у нас еще дела сегодня?

— Вечером навестим Трофимова в больнице. Ты пока можешь поспать в гостинице, а я прошвырнусь по магазинам.

Грязнов недоверчиво посмотрел на приятеля.

— Все мудришь, Саня. Да натурально, это были паршивые рэкетеры. Ну кого еще, как не эту Климову, им трясти?

— Ужин-то остывает давно, — укоризненно сказала подошедшая «вторая скрипка».

— Да-да, уж пожалуйста, извольте пожаловать, — промямлил из-за ее плеча муж-дирижер.

Ужин оказался отменным...

Эксперты-электронщики приехали через полчаса. Это были немолодые усталые люди с явным отпечатком профессии на лицах, так, по крайней мере, показалось Турецкому.

— Это вам, — хмуро сказал старший из них, с длинными баками, и передал Турецкому конверт, который тот немедленно распечатал.

Грязнов проводил экспертов через «телевизор» в подвал и вернулся.

— Ну что? — поинтересовался он.

Турецкий равнодушно пожал плечами и передал ему конверт.

— Ничего. Пальцы в компьютере не светятся. Эти двое нигде никогда не «проходили», по крайней мере, здесь. Подождем, что теперь скажут эксперты.

Ждать пришлось недолго. Полчаса спустя эксперты вышли из дома и стали молча усаживаться в машину.

— Ну? — спросил Турецкий.

Эксперты-технари возмущенно молчали.

— Ну? Ну? — с упорством маньяка повторил Турецкий.

— Понятия не имею, что это значит, — наконец выдал эксперт с баками. — Это может быть все что угодно и одновременно — ничего. Просто какой-то безумный набор аппаратуры, деталей... Такое чувство, что некий неврастеник собирал металлолом. Причем очень богатый неврастеник. Н-да... Впервые за долгое время я почувствовал себя полным «чайником». По вашей вине, — неожиданно со злостью добавил он.

И, не прощаясь, эксперты-электронщики уехали.

— Жизнь прекрасна и удивительна, — мрачно сказал Турецкий и тут же добавил: — К черту, не поедем в больницу. Трофимов перебьется до утра.

Учителя

Когда Пете Осколкову сообщили, что Фомин ночью повесился, он первым делом помчался к капитану Журавлеву.

События прошлой ночи основательно перемешались в Петиной голове. Странные, почти нечленораздельные слова Фомина, несомненно знающего что-то, о чем было больше никому не известно, Петя с большим трудом восстанавливал в памяти.

«Кажется, он говорил, что никакого золота на борту вертолета не было? Про какие-то контейнеры... Может, конечно, это все было по пьяни, а может... Надо обо всем дяде Саше рассказать».

В кабинете Журавлева шло какое-то совещание, поэтому Пете пришлось часа два просидеть в коридоре.

Когда собравшиеся выходили из кабинета, до Пети донеслись обрывки разговора:

— ...Обломки на два километра вокруг разнесло... — говорил один (Петя сразу решил, что это кто-то из московской следственной бригады).

— А где же... — его собеседник понизил голос так, что конец фразы Петя не расслышал. Московский следователь пожал плечами.

Как только все разошлись, Петя ворвался к Журавлеву. Он, как обычно, что-то писал.

— Дядь Саша! У меня новые данные есть!

Капитан поднял голову от своих бумаг:

— А, Петя, заходи, садись. Что там у тебя?

Петя в двух словах передал ему содержание ночного разговора с Фоминым. Внимательно выслушав его, Журавлев махнул рукой:

— Ты, Петюня, лучше домой иди и следствию не мешай.

— Как это — не мешай, дядь Саша, это же важные данные!

— Ты мне сейчас тут со своими «важными данными» все следствие запутаешь. Мало ли, что человек по пьяни сболтнет.

Петя обиделся:

— Да ну вас, дядь Саша! А если это все правда? И потом, с чего бы Коле вешаться?

— Нахрюкался твой Коля, жизнь не мила стала, вот он и повесился. Вертолет тут ни при чем. Помнишь, в прошлом году Филя из лесхоза утопился?

— Помню.

— Ну вот. Что же касается того, что на вертолете золота не было, так это вообще полная чушь. Куда ж оно делось?

— Не знаю. Но ведь вертолет-то нашли, а золота нет.

Журавлев грозно сдвинул брови:

— А ты откуда секретную информацию знаешь?

Петя напустил на себя важный вид:

— У меня, дядь Саша, свои источники имеются. — И он развалился на стуле, положив ногу на ногу.

— Я вот те сейчас дам, «свои источники». Ремня хорошего! — Он привстал на стуле и принялся расстегивать португую.

Петя вскочил и боязливо отошел в другой конец комнаты:

— Не надо, дядь Саш, я все понял.

Журавлев снова сел:

— И не вздумай со своими версиями долбаными к москвичам подходить! Мигом задержат. И еще, чего доброго, в смерти Фомина обвинят. Ты ведь последний, кто с ним разговаривал?

— Да.

— Ну так иди отсюда. У меня дел полно.

— Дядь Саша, — взмолился Петя, — а Коля еще про какого-то грузина вчера говорил... Журавлев вздохнул:

— Белая горячка у твоего Коли была. Вот и мерещились везде черные человечки...

Петя вышел из милиции совершенно растерянным. Понятно, конечно, что Журавлеву хотелось поскорее закрыть дело с вертолетом, а кроме того, не впутывать сюда сына своего давнишнего друга. Но все-таки Петя чувствовал, что ночные откровения Фомина были вызваны не только выпитым. Поэтому он решил пойти на квартиру Коли Фомина и расспросить соседей.

Жил он в маленьком финском домике на две семьи. Квартиру Фомина уже успели опечатать, видимо, с утра здесь побывал участковый. Петя позвонил в противоположную дверь.

Через минуту ему открыла пожилая женщина с крашеными в фиолетовый цвет волосами:

— Осколков?! Не может быть! Какими судьбами?

Это была Полина Владимировна, бывшая школьная учительница Пети.

— Добрый день, Полина Владимировна.

— Заходи, заходи. Давненько я тебя не видела, Петр.

Пожилая учительница жила здесь со своим мужем — Валерием Ивановичем, который преподавал физику. Полина Владимировна же была преподавателем русского языка и литературы. Она схватила Петю за руку и повела в глубь дома.

— Валерий Иванович, ты гляди, кто к нам пришел!

Из боковой комнаты вышел ее муж в майке, тренировочных штанах и с газетой в руке.

— А, Петр, здравствуй. Как поживаешь?

Петя уже открыл было рот для ответа, но Полина Владимировна его перебила:

— Ну Валерий Иванович, не приставай к человеку с порога. Надо сначала за стол усадить. Иди лучше переоденься.

Петю отвели в большую комнату, обставленную старой мебелью с потрескавшейся лакировкой. В буфете красовалось множество хрустальных ваз — Полину Владимировну в школе любили, и каждый выпуск считал своим долгом ей что-то подарить. Это «что-то» обычно оказывалось вазой из местного универмага. Пете даже показалось, что он узнал ту, на которую десять лет назад скидывались родители учеников их класса. Хотя, может быть, это не она — все вазы из буфета старой учительницы были похожи.

Полина Владимировна захлопотала, выставила на стол свой лучший сервиз, вазочку с малиновым вареньем. На огромном фарфоровом чайнике было выведено:

«Сто шестьдесят — цифра святая,
Сто шестьдесят — жизни девиз,
Сто шестьдесят — школа родная,
Сердце волнующий бриз!
От благодарных учеников 10 „А“ класса, школы № 160.
Выпуск 1965 года, город Владивосток».

— Это когда я еще во Владике работала, — проследив взгляд Пети, заметила Полина Владимировна, — помню этот выпуск. Хорошие были ребята. Талантливые. — Разливая чай по чашкам, она продолжала: — А потом замуж вышла, Валерия Ивановича сюда, в Февральский, распределили. Ну, я за ним и поехала.

— Тут и застряли на всю жизнь, — продолжил вошедший в комнату Валерий Иванович.

Полина Владимировна досадливо махнула рукой:

— Если хочешь знать, меня в Москву собирались направить. Если б не ты, сейчас жила бы в столице.

— Слышали...

Старая учительница фыркнула:

— Ты его, Петя, не слушай. Он только в своей физике специалист.

— Это точно. Физика — наука. Не то что стишки всякие.

Петя наблюдал за этой дружеской пикировкой пожилых супругов и думал, что вот пройдет тридцать лет, и он так же будет сидеть, может быть, в таком же финском домике и ворковать со своей старой женой... Впрочем, жены у Пети не было даже в проекте — девушки все больше глядели в сторону местных коммерсантов и за вертолетчика выходить не рисковали.

— Ты давай варенье накладывай, — пододвинул к Пете вазочку Валерий Иванович. — Малина с нашего участка, свежая. А может, по маленькой, а?

Полина Владимировна хлопнула его по руке:

— Ты мне давай тут парня не спаивай! Ишь ты — по маленькой, а у самого печень.

Муж вздохнул:

— Видал? И вот так уже тридцать лет.

Несколько секунд прошло в молчании, затем Полина Владимировна нарушила тишину:

— Да, время пошло суровое. Сначала этот вертолет, теперь вот Коля повесился... И чего повесился — ума не приложу. Вроде такой тихий был, спокойный.

— Ну да, спокойный, а как у тебя за стеной пьянки-гулянки устраивал, забыла?

Полина Владимировна погрузилась:

— Это точно, пил он много. И холостой. Если бы жена в доме была, может быть, и не случилось бы ничего, а так... Но все равно — неожиданно. Никогда бы не подумала, что Коля повесится.

— Почему, Полина Владимировна? — спросил Петя, прихлебывая чай.

Та задумалась.

— Как тебе объяснить? Не такой он был человек. Знаешь, у людей, которым судьба погубить или там покончить с собой, на лице какая-то печать есть. Вот, например, в классе на два года старше вас учился мальчик. Веселый, живой, общественные поручения выполнял... А я все время, как на него посмотрю, не могу отделаться от мысли, что с ним что-то случиться должно. И что ты думаешь? Через неделю после выпускного с пожарной лестницы сорвался. Я-то, конечно, никому о своих предчувствиях не говорила.

— А у Коли Фомина такой печати не было?

Учительница покачала головой:

— Нет, не было. Хоть он и пил сильно, никогда мрачным не был. И в глазах у него всегда какая-то искорка живая была. Нет, не подумала бы никогда, что он может покончить с собой. — И она смахнула со скатерти невидимые крошки. — А тут еще с этим вертолетом... С утра говорили, что будто бы нашли обломки, а золота-то и нет. И трупа Дегтярева нет.

«Секретные сведения», — вспомнил Петя слова Журавлева и усмехнулся про себя.

— А ведь вначале я должен был в рейс идти.

— Батюшки! — всплеснула руками Полина Владимировна.

— Конечно, Сережу очень жалко. Мы ведь с ним в одном классе учились, помните, Полина Владимировна?

— Ну как же мне не помнить? Озорной был мальчишка, задиристый.

Помолчали.

— Нет, — сказал вдруг Валерий Иванович, — ты, Полина Владимировна, как хочешь, а я чекушку достану. За помин души выпить надо. Вот и Петр меня поддержит. Поддержишь, Петя?

— Поддержу.

— Вот видишь, хозяйка! — обрадовался Валерий Иванович.

Он достал из буфета микроскопические хрустальные рюмочки и хрустальный же графинчик, наполненный до половины рыжеватой жидкостью. На дне графина болтались какие-то стебельки, корешки и листочки.

— Собственного изготовления. Двойной очистки.

Учительница мигом сбегала на кухню и принесла закуску — малосольные огурчики, домашнюю ветчину и хлеб.

Не чокаясь, выпили. Полина Владимировна только пригубила.

— Скажите, Полина Владимировна, — несмело начал Петя, — вот вы говорили, что к Коле часто люди какие-то ходили, кто это был?

— Да разные, Петенька, всех разве упомнишь?... В основном местные забулдыги. Или с работы.

— А чужих не было?

— Были, — уверенно сказал Валерий Иванович. — Видел я и чужих.

Он, несмотря на протестующие жесты жены, разлил по рюмкам еще водки.

— Приходил тут примерно неделю назад один. Судя по акценту (у нас стены, сам знаешь, бумажные), как говорится, — лицо кавказской национальности.

Петя насторожился.

— Да, вроде грузин. Он еще о чем-то долго с Колей препирался.

— А я его, между прочим, сама видела, — вступила в разговор Полина Владимировна. — Как раз вечером с работы возвращалась и заметила, что он от Коли выходил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.